

В. А. Томсинов

**Василий Никитич
Татищев**

(1686—1750)

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

Российские правоведы XVIII—XX веков:

Очерки жизни и творчества. В 2-х томах.

М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 1–62.

Василий Никитич Татищев

(1686—1750)

В НАСТОЯЩЕЕ время В. Н. Татищев известен прежде всего как историк, родоначальник русской исторической науки. Действительно, исследования по русской истории составляли главное призвание его души, и в этой области его научная деятельность оказалась наиболее плодотворной. Основной ее итог — обширный труд «История Российская с самых древнейших времен», ставший фундаментом русской исторической науки. Но помимо русской истории Татищев занимался целым рядом других наук: математикой, географией, геологией, экономикой, политикой, философией, филологией, педагогикой. Изучал он и право. И во всех указанных науках, включая юриспруденцию, Татищев добился значимых результатов. Он обнаружил рукописные тексты таких памятников отечественного права, как Русская Правда и Судебник 1550 года. Его комментарии к ним стали первой попыткой их научного исследования. Он первым стал собирать тексты русских законов с целью их научного изучения. Об этом свидетельствует уже само название составленного им в 1738 году свода русских законодательных памятников — «Собрание законов древних русских, для пользы всех любомудрых собранные и неколико изтолкованные тайным советником Василием Татисчевым». В своих произведениях Татищев часто обращался к проблемам правосудия и законности, он высказал множество глубоких мыслей о праве и законах, о законотворчестве, о сущности юриспруденции. Изучение права он считал важнейшим элементом образования государственного служащего. Василий Никитич Татищев является родоначальником не только русской исторической науки, но и русской научной юриспруденции.

В историю России XVIII века В. Н. Татищев вошел также в качестве видного государственного деятеля, талантливого управленца. В. О. Ключевский писал о нем: «Артиллерист, горный инженер и видный администратор, он всю почти жизнь стоял в потоке

самых настоятельных нужд, живых текущих интересов времени — и этот практический делец стал историографом, русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени; не плодом досужей любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека. Так[им] образ[ом] Татищев вдвойне интересен, не только как первый собиратель материалов для полной истории России, но и как типический образчик образованных русских людей петровской школы»¹.

* * *

Родился Василий Татищев 19 апреля 1686 года² в семье мелкопоместного псковского дворянина Никиты Алексеевича Татищева. Его мать Фетинья Татищева принадлежала к дворянскому роду Аршеневских, начало которому положил выходец из Литовского княжества Николай Аршеневский, перешедший в 1654 году в русскую службу. Его отец был представителем дворянского рода, который согласно «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих», составленной в 1682—1687 годах, являлся ветвью князей смоленских. В посвященной Татищевым главе 22 названной книги сообщалось: «По указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великие Государыни, Благоверные Царевны и Великие Княжны Софии Алексеевны, всеа Великие и Малые и Белые России Самодержцевъ, написанъ въ сию Книгу родъ Татищевыхъ по ихъ росписи, по сказке Заболоцкихъ. А по росписи ихъ: У Князь Глебова сына Святославича Смоленского, у Князя Дмитрея, сынъ Князь Иванъ Шахъ. У Князя Ивана Шаха дети: Юрья, да Федоръ, да Семень Соломерские. У Юрья сынъ Василей Татищъ»³.

¹ *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 129.

² На эту дату своего рождения указал сам Василий Никитич Татищев, оставив на книге, по которой обучался французской грамматике, следующую запись: «1720 году октября в 21 день, в Кунгуре, по сей грамматике начал учиться по французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищев, от рождения своего 34 лет 6-ти месяцев и дву дней» (цит. по: *Кузьмин А. Г.* Татищев. М., 1981. С. 5). Из приведенной записи и следует, что родился он 19 апреля 1686 г.

³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1.) Родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием БАР-

В «Росписи алфавитной тем фамилиям, об которых родословные росписи в Розряд поданы» о Татищевых говорилось, что они «произошли от Смоленских князей. Название получили от тех, которые поехали в Литву, и там служили, называясь Соломерскими, так как и по выезде в Россию слыли уже Соломерскими¹. После у одного из них был сын Василей Татищ, которой, будучи в Новгороде наместником, и услышав о измене, тайно об оной писал к государю, и поймав начальника, отослал к нему; а потому и назван Татищевым. Все же они, потомки их и подаватель родословной князьями не писались». На основе подобных фактов историком Сергеем Спиридоновичем Татищевым (1846—1906) была составлена книга «Род Татищевых. 1400—1900. Историко-генеалогическое исследование», изданная в Санкт-Петербурге в 1900 году. Между тем сведения, записанные в «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих», были получены от представителей фамилий и основывались в целом ряде случаев на легендах, достоверность которых была сомнительной. Сообщение о том, что Василий Юрьевич Татищ занимал должность наместника в Новгороде, относится к такого рода случаям. Ни в одном историческом документе Новгородский наместник с подобным именем не упоминается. Да и не могло быть в Новгороде в то время, в которое, как предполагалось, это событие имело место (конец XIV века), великокняжеского наместника.

Известно, что родословная роспись, поданная Татищевыми в Разрядный приказ в 1682 году, была признана ложной со стороны представителей княжеских семей Дашковых и Кропоткиных, происхождение которых от смоленских князей никогда не подвергалось никакому сомнению. Вопрос о внесении ее в официальную родословную книгу был решен лишь после того, как Татищевы записали свое происхождение от тех князей смоленских, которые якобы выехали в Литву и стали именоваться «соломерскими».

ХАТНОЙ КНИГИ; 2.) Роспись алфавитную тем фамилиям, об которых родословные росписи в Розряд поданы...; 3.) Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе по местам их выезда, и 4.) Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления, в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сея книги, число которых простирается до 930. Изданная по самовернейшим спискам. Часть 1. М., 1787. В этом издании «Родословной книги» отсутствует нумерация страниц.

¹ Данное наименование князей Смоленских произошло скорее всего от названия Соломеречь, которое носили их владения, расположенные к северу от Минска вдоль речки с таким же названием.

В действительности род Татишевых был обыкновенным дворянским родом, представители которого занимали положение не выше среднего в иерархии служилых людей Русского государства. В «Истории Российской» В. Н. Татищева под датой 6889 (1381) говорится о том, что великий князь послал в Орду к хану Тохтамышу «своих послов Толбугу да Мошкия октября в 29 день со многими дары. С ними же иде и ростовский посол Василий Татисча»¹. В 40-е годы XV века Василий Юрьевич Татища был землевладельцем в Дмитровском уезде: он упоминается в качестве послуха (свидетеля) в одной из купчей. В 60-е годы XVI века среди владений Симоновского монастыря числилось село Васильевское-Татищево, которое, судя по названию, принадлежало ранее Василию Татищеву и его потомкам.

Во времена опричнины видную роль в окружении Ивана IV играл Игнатий Петрович Татищев (? —1604). Его имя встречается в списке опричников грозного царя², составленном в 1573 году и открывающемся словами: «Лета 7081-го марта в 20-й день государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пометил бояром, и околничим, и дьяком, и дворяном, и приказным людем свое жалование по окладу»³. В этом списке среди опричников, которым было назначено жалованье в 80 рублей, упоминается «Игнатей Петров сын Татищев»⁴. В Ливонском походе 7085 (1577) года он был воеводой полка левой руки и в этом качестве осаждал г. Гольбин. В походе на Невель Игнатий Петрович Татищев являлся вторым воеводой передового полка и одним из начальников стражи в царском стане⁵. Впоследствии он стал государевым казначеем. Его сын — Михаил Игнатьевич Татищев — был ясельничим в конце XVI века и думным дворянином, активно участвовал в событиях Смуты начала XVII века, за что и поплатился: в 1609 году он был убит в Новгороде толпой, заподозрившей его в измене царю Василию Шуйскому.

Дед Василия Никитича Татищева — Алексей Степанович Татищев — с 1647 года занимал должность стольника при дворе царя

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том V. История Российская. Часть третья. М., 1996. С. 151.

² Рукопись данного списка напечатана в 2003 г. издательством «Российская национальная библиотека». См.: Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.

³ Список опричников Ивана Грозного. Лист 1.

⁴ Там же. Лист 1 оборот.

⁵ См.: Военный журнал. 1852. № 5. С. 121; № 6. С. 93, 97, 102.

Алексея Михайловича, а в 1659 году был назначен на место воеводы в Ярославле. Он оставил в наследство своей дочери Наталье небольшую вотчину в Дмитровском уезде, а старшему сыну Федору — поместье. Никите, как младшему сыну, не досталось от отца ни вотчины, ни поместья: ему пришлось поэтому жить несколько лет лишь на жалованье за службу в придворном чине жильца. В 1689—1690 годах он занимал должность воеводы в Бежецком Верху.

В начале 80-х годов XVII века Никите Алексеевичу удалось получить 300 четей (150 десятин¹) земли из наследственного имущества умершего родственника — псковского помещика Василия Петровича Татищева. Перешедшее во владение Никиты Алексеевича Татищева имение находилось недалеко от Пскова. Василий Татищев здесь родился и провел несколько лет своего детства и отрочества. Он получил, как и его братья Иван² с Никифором³ и сестра Прасковья⁴, хорошее домашнее образование. В 1693 году, в семилетнем возрасте, Василий был взят на службу при царском дворе в качестве стольника Прасковьи Федоровны, супруги Иоанна Алексеевича. Урожденная Салтыкова, она была его дальней родственницей. Придворная служба мальчика продолжалась до смерти царя Иоанна в 1696 году. После этого Василий возвратился в отцовское имение.

Чтение книг еще в детстве стало его страстью и одновременно главным средством совершенствования познаний в различных науках. В тринадцатилетнем возрасте он посещал с целью приобретения знаний о российском правосудии проводившиеся в Пскове судебные процессы. В ряде биографий В. Н. Татищева говорится, что он учился в начале XVIII века в Московской «артиллерийской и инженерной школе», но никаких документов, подтверждающих данный факт, при этом не приводится.

В начале 1704 года семнадцатилетний Василий Татищев выдержал экзамен и был зачислен (вместе с двадцатилетним братом Иваном) рядовым кавалеристом в Преображенский драгунский

¹ Одна десятина — 1,092 га.

² Иван Никитич Татищев (1683—?) дослужится до воинского чина полковник. В конце 30-х годов будет занимать должность воеводы Исетской провинции в Оренбургском крае.

³ Никифор Никитич Татищев (1692 — после 1751) дослужится до места воеводы в Клину.

⁴ Прасковья Никитична выйдет замуж за И. Теряева, затем будет состоять в браке с И. Станкевичем, третьим ее мужем будет М. Грибоедов.

полк¹. Его боевым крещением стало сражение под Нарвой в августе 1704 года.

В 1706 году Василия Татищева возвели в поручики. В этом чине он принял участие в Полтавской битве, произошедшей 27 июня 1709 года: «Счастлив был для меня тот день, — вспоминал впоследствии Василий Никитич, — когда на Поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за Отечество».

В 1712—1716 годах капитан-поручик Татищев несколько раз выезжал в Германию «для присмотрения тамошнего военного обхождения». Проведя в общей сложности два с половиной года в городах Пруссии и Саксонии, молодой офицер приобрел знания в инженерных и артиллерийских науках, познакомился с новейшими трудами западноевропейских ученых в области геометрии, геологии, географии, философии, истории. Он купил здесь множество книг по всем этим наукам² и по возвращении в Россию продолжал с их помощью совершенствовать свое образование.

Весной 1716 года В. Н. Татищев был определен в артиллерию, но долго служить ему в качестве артиллериста не пришлось. Царь Петр послал его в 1717 году в Гданьск, поручив договориться с руководством города о передаче России в качестве контрибуции³ ста-

---

¹ По словам современного биографа В. Н. Татищева, «незадолго до этого братья потеряли мать Фетинью, а отец их женился на «Вере — дочери Потаповой». Сыновья не приняли мачеху, и это было одной из причин, почему в полк ушли оба брата сразу» (*Кузьмин А. Г.* Татищев. С. 21). Прожил Никита Алексеевич после этого всего два года: он умер в 1706 г.

² В частности, в Дрездене Татищев приобрел книгу Матези «Геометрические фигуры», за которую заплатил весьма большую для того времени сумму — 2 рейхсталера. В Берлине он купил переведенное на немецкий язык и напечатанное в том же году в Лейпциге сочинение француза Н. Биона «Школа математических трудов»; конспект лекций по математике, написанный неизвестным автором; книгу «Petri I Leben und Thaten (Жизнь и деяния Петра I)», изданную во Франкфурте и Лейпциге в 1710 г. в двух частях общим объемом в 1200 страниц с 30 иллюстрациями. Ее автором был предположительно Лоэнштейн, выступавший в качестве литературного агента русского царя.

³ Контрибуция была наложена на Гданьск Петром I в 1710 г. в размере 300 000 ефимков за то, что руководство города признало изгнанного из Речи Посполитой Станислава Лещинского, припятствовало согражданам поступать на русскую службу, чинило «помешательства» русским курьерам, проезжавшим город, конфисковывало товары у русских купцов и совершало множество других враждебных по отношению к России действий.

ринной иконы, о которой говорили, что она писана создателем кириллицы святым Мефодием. Городской магистрат отказался включить реликвию в состав контрибуции, но Василий Никитич не стал настаивать на выполнении требования русского царя. Осмотрев икону, он без труда установил, что она является подделкой, ничего общего со святыней не имеющей, и сумел легко доказать это Петру I. Данная поездка позволила ему пополнить свою библиотеку изданной в 1665 году в Амстердаме книгой Фрайтага «Военная архитектура» и напечатанным в Иене в 1717 году «Курсом математики» И. Рашуба.

По возвращении из Гданьска в Санкт-Петербург Татищев был назначен состоять при Якове Вилимовиче Брюсе (1670—1735). Вместе с ним, полномочным послом России, он присутствовал на Аландском конгрессе — переговорах об условиях мира, проходивших с мая 1718 по октябрь 1719 года на острове Аланд.

В 1719 году Я. В. Брюс предложил Петру I начать работы по составлению подробной географии России. В качестве наиболее способного исполнителя таких работ он назвал Татищева¹. Государь согласился с этим разумным предложением. Географические исследования и привели Татищева к занятиям русской историей. Начав собирать сведения, касающиеся географии России, он, по его словам, «увидел, что оную из древняго состояния без достаточной древней гистории и новую без совершенных со всеми обстоятельству известей начать и производить невозможно, ибо надлежало вначале знать о имени, какого оное языка, что значит и от какой причины произошло. К тому ж надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распростирились, кто владетели были, когда и каким случаем к России приобсчено. На сие требовалось обстоятельной русской древней истории...»². Поэтому Татищев занялся отысканием и изучением летописных источников. Первым из них в его руках оказался летописный свод Нестора, список которого имелся в библиотеке Петра I.

Занятия русской историей, собирание и изучение исторических документов стали с этого времени главным делом В. Н. Тати-

---

¹ Я. В. Брюс высоко оценивал способности В. Н. Татищева. «Ревностный исполнитель служебных обязанностей, человек с большим запасом сведений и любовью к науке», — говорил он о своем подчиненном.

² *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Том I. История Российская. Часть первая. М., 1994. С. 89.

шева. И Василий Никитич ни при каких обстоятельствах не забывал о нем.

Именным, объявленным в Сенате, Указом Петра I от 12 декабря 1718 года предусматривалось создание Берг- и Мануфактур-коллегии, в ведение которой отдавались «рудокопные заводы и все прочие ремесла и рукоделия и заводы оных и размножение, при том же и артиллерия»¹. Начальник Татищева Я. В. Брюс был назначен ее президентом. Василий Никитич остался в его распоряжении. Указом от 10 декабря 1719 года была создана Берг-коллегия как самостоятельное правительственное учреждение, ведающее горным делом². Весной 1720 года Берг-коллегия направила Татищева на Урал с заданием «в Сибирской губернии, на Кунгуре и в прочих местах, где обьщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить». Пробыл Василий Никитич в этом крае полтора года, за которые успел изучить основы горного дела, ознакомиться с состоянием местной горной промышленности, разработать и частично осуществить меры по ее совершенствованию и строительству новых заводов, собрать коллекцию полезных ископаемых, открыть при Алапаевском заводе начальную школу для обучения чтению и письму и училище, в котором преподавались арифметика, геометрия, горное дело. Он перенес Уктукский завод на реку Исеть, «понеже здешнее место стало по середине всех заводов», и тем самым основал новое поселение, которое назвал в честь супруги Петра I Екатерины Екатерининском. Это поселение положило начало городу Екатеринбургу.

Пребывание на Урале позволило Татищеву обнаружить и приобрести большое количество старинных книг и документов. Самым ценным его приобретением стал список Несторовой летописи, сильно отличавшийся своим содержанием от того, который находился в государственной библиотеке.

Деятельность Татищева на Урале, в полной мере соответствовавшая государственным интересам, шла вразрез с частными интересами местного предпринимателя Акинфия Никитича Демидова

¹ Указ от 12 декабря 1718 г. «Об управлении во всех Коллегиях и в Губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между Коллегиями» // 1-е Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Т. V. № 3255.

² Указ от 10 декабря 1719 г. «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном деле о рудах и минералах» // 1-ПСЗРИ. Т. V. № 3464.

(1678—1745), владельца более двух десятков горных заводов. В то время еще был жив его отец Никита Демидович Демидов (1656—1725), пользовавшийся особым расположением со стороны царя Петра. Строительство флота и вооружение армии требовало много меди и железа. Демидовские заводы давали большую часть металла, причем самого высокого во всей Европе качества и по весьма низким ценам¹. Петр неоднократно самолично обращался с письмами к Демидовым² и им разрешил непосредственно писать к себе. Кроме того, Демидовы пользовались особым покровительством со стороны приближенных к государю сановников — в первую очередь А. Д. Меншикова. Все это позволяло им устанавливать в своей промышленной империи порядки, не соответствовавшие законодательству империи Российской, и не подчиняться должностным лицам, представлявшим государственную власть на Урале.

В этих условиях меры, предпринимавшиеся Татищевым по оживлению работы существовавших казенных заводов и строительству новых, его попытки ограничить произвол Демидова, заставить заводчика платить в казну установленные законом денежные сборы не могли не породить конфликта между ними. Акинфий Никитич применил в борьбе с Василием Никитичем все, на что был способен: клевету, угрозы, шантаж, подкуп, но успеха не добился. На помощь своему сыну приезжал на Урал и сам Никита Демидов, являвшийся официальным владельцем находившихся в его управлении горных заводов. Пытаясь уладить конфликт миром, он предложил Татищеву довольно большую денежную сумму, но тот взятки не принял. Тогда Демидовы решили обратиться за помощью к Петру I.

Весной 1722 года Никита Демидович имел беседу с государем, во время которой пожаловался на действия Татищева на Урале. Василий Никитич как раз приехал в это время по делам в Петербург, и

---

¹ Цену на продукцию своих металлургических заводов Демидовы могли снижать почти вдвое по сравнению со своими европейскими конкурентами, поскольку почти не платили налогов и очень скудно оплачивали труд своих работников, многие из которых были беглыми каторжниками или крепостными крестьянами.

² В августе 1722 г. Петр I, находясь в Персидском (Каспийском) походе, писал на Урал: «Демидыч! Я заехал зело в горячую сторону, велит ли Бог свидеться? Для чего посылаю тебе мою персону: лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию серебряную руду». «Персоной» царь Петр называл свой миниатюрный портрет в золотой оправе с бриллиантами, которым награждал тех, кто отличился выдающимися заслугами перед государством в военных или гражданских делах.

Петр I считал необходимым выслушать и его. Поняв, что конфликт между Татищевым и Демидовыми не простой и очень вредный по своим последствиям для развития уральской горной промышленности, царь принял решение передать управление казенными медными и железными заводами коменданту и начальнику Олонецких горных заводов голландцу по происхождению генерал-майору Вилиму Ивановичу (Георгу Вильгельму) Геннину (1676—1750), поручив ему одновременно и разобраться в существовании указанного конфликта.

В мае 1722 года В. И. Геннин отправился на Урал с государственной инструкцией от 29 апреля 1722 года, в которой ему поручалось заводы «во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение», а также «розыскать между Демидовым и Татищевым, также и о всем деле Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в Берг-коллегию и к Нам»¹.

Василий Никитич также отправился в июле на Урал, а вдогонку ему было послано распоряжение Берг-коллегии: «Капитану Татищеву быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства... ему до окончания того дела быть не надлежит».

1 декабря 1722 года Вилим Геннин встретился с Никитой Демидовым и потребовал от него письменно изложить все жалобы на капитана Татищева. Когда же тот стал отказываться это сделать, утверждая, что желает помириться с Татищевым, генерал заявил ему, что без воли его величества принять мировой челобитной не может, так как прислан не мирить, а розыск учинить. Если же Демидов откажется от подачи жалобы, то «всяк будет мнить, что он виноват» и на Татищева «жалобу приносил напрасно». В результате Никита Демидов вынужден был изложить обвинения в адрес Татищева на письме. Все они сводились, как оказалось, к тому, что по распоряжению Татищева были сооружены заставы на дорогах, препятствовавшие перевозке продукции демидовских заводов, и отнята часть устроенной Демидовым пристани на реке Чусовой (на территории земельных владений казны). Эти действия Татищева, нарушавшие интересы заводчиков Демидовых, были вполне законны. В конце 1722 года Берг-коллегия получила письменную жалобу Никиты Де-

¹ Инструкция генерал-майору Геннину от 29 апреля 1722 г. «Об исправлении медных и железных заводов» // 1-ПСЗРИ. Т. VI. № 3986.

мидова и тем самым возникло официальное основание для проведения розыскных действий¹.

Тщательно исследовав сложившуюся в горной промышленности Урала обстановку и собрав сведения о деятельности Татищева, генерал Геннин возвратился в феврале 1723 года в Санкт-Петербург и подал государю рапорт, в котором следующими словами описал суть конфликта между Татищевым и Акинфием Демидовым: «Демидов мужик упрям... до сего времени никто не смел ему слова выговорить, и он здесь поворачивал, как хотел. Ему не очень мило, что Вашего величества заводы станут здесь цвезть, для того, что он мог больше своего железа запродавать, а цену положить, как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не на Ваши. А понеже Татищев по приезде своем начал прибавливать, или стараться, чтоб вновь строить Вашего величества заводы, и хотел по Горной привилегии поступать о рубке лесов и обмежевать рудные места порядочно, и то ему (Демидову. — *В. Т.*) також было досадно и не хотел того видеть, кто ему о том указал. И хотя прежь сего, до Татищева, Вашего величества заводы были, но комиссары, которые оными ведали, бездельничали много, и от заводов плода почитай не было, а мужики от забалованных Гагаринских комиссаров² разорились, и Демидову от них помешательства не было, и противиться ему не могли, и Демидов делал, что хотел, и чаю ему любо было, что на заводах Вашего величества мало работы было, и они запустели. Наипаче Татищев показался ему горд, то и старик не залюбил с таким соседом жить, и искал как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить, чтоб Вашего величества заводам не быть».

Генерал сообщал все это, хорошо зная о том, как сильно был царь Петр благорасположен к Демидовым. Поэтому постарался отвести от себя какие-либо подозрения в пристрастности к тому, кого оправдывал. «Я оного Татищева, — заявлял он, — представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или б чьей ради

¹ Президент Берг-коллегии Я. В. Брюс был с самого начала конфликта между Татищевым и Демидовым уверен в правоте своего подчиненного, о чем свидетельствуют следующие его слова из письма к Никите Демидову: «Господин Демидов! Известен я, что вы жалобу приносите на капитана от артиллерии Татищева, будто он вам некоторые обиды кажет. И вы в том оберегитесь, чтоб было не напрасно».

² Имеются в виду представители администрации бывшего губернатора Сибири князя Гагарина, казненного в 1721 году за казнокрадство.

просьбы; я и сам его рожи калмыцкой не люблю, но видя его в том деле весьма права и к строению заводов смышленна, разсудительна и прилежна». В конце своего рапорта генерал Геннин просил государя: «Пожалуй, не имей на него, Татищева, гневу и выведи его из печали, и прикажи ему здесь (на Урале. — В. Т.) быть обер-директором или обер-советником».

В первой половине июля 1723 года Сенат, рассмотрев жалобу Демидова на Татищева и обстоятельства конфликта между ними, описанные в рапорте Вилима де Геннина, полностью оправдал Татищева. Сенаторами было принято решение у Никиты Демидова за то, что «не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но, презирая указы, дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать, вместо наказания взять штраф 30 000 рублей»¹. Кроме того, заводчику было вменено Сенатом в обязанность возместить Татищеву все убытки, которые он понес в ходе следствия, выплатив в его пользу 6000 рублей.

В декабре 1723 года Татищев прибыл с Урала в Санкт-Петербург, чтобы представить императору проекты В. И. Геннина по совершенствованию горной промышленности. Петр I принял Татищева в январе 1724 года, государь был очень приветлив и долго говорил с ним о науках, о развитии в России образования, об учреждении Академии наук.

В июне 1724 года Татищев был назначен сенатским указом на должность советника Берг-коллегии, но на Урал ему ехать не пришлось. Петр I решил отправить способного чиновника в Швецию с поручением «смотреть и уведомиться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях одного государства» и одновременно изучать шведскую организацию горного и монетного дела, работу мануфактур, подыскивать и нанимать искусных мастеров для службы в России². В ноябре 1724 года Татищев снова покинул Санкт-Петербург.

---

¹ Сумма штрафа была огромной даже для Демидовых, поэтому Петр I дал им отсрочку в его выплате. После смерти же государя покровительствовавший Демидовым А. Д. Меншиков отменил, с согласия генерал де Геннина, не желавшего портить отношений со всесильным в ту пору временщиком, решение Сената о наложении на Никиту Демидова штрафа.

² Сам Татищев об этой поездке в Швецию написал: «1724-го в ноябре послан во Швецию для некоторых секретных дел» (*Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. М., 1994. С. 349.*)

Первые два месяца пребывания в Швеции Василий Никитич болел, когда же выздоровел, пришло известие о смерти государя. Взошедшая на престол Екатерина I не стала отзывать Татищева из Швеции, и он решил несмотря ни на что выполнить возложенные на него Петром I поручения. Татищев осмотрел шведские горные заводы и рудники, достал чертежи и планы, по которым они организовывались, договорился с местными инженерами и мастерами о направлении к ним на выучку молодых людей из России.

Одновременно он продолжал свои исторические изыскания: собирал в Швеции материалы по древней русской истории, покупал иностранные книги¹ и манускрипты, беседовал с различными шведскими учеными, выведывая у них необходимые для организации горного дела научные сведения.

По возвращении в начале мая 1726 года в Россию В. Н. Татищев был восстановлен в должности советника Берг-коллегии, но благоволившего к нему Я. В. Брюса в этом ведомстве уже не было: он оказался негоден Меншикову, заправлявшему делами государства от имени императрицы Екатерины I, и был уволен с поста президента. Атмосфера, сложившаяся внутри Берг-коллегии после ухода Брюса, была неприятной для Татищева. Но, к счастью, служить ему здесь пришлось недолго. 14 февраля 1727 года императрица Екатерина I подписала указ о направлении Татищева на службу при Московском монетном дворе. 7 марта 1727 года для управления монетными дворами была учреждена Московская монетная контора. Во главе ее стал Московский губернатор А. Л. Плещеев. В состав конторы был включен наряду с И. А. и П. И. Мусиными-Пушкиными также В. Н. Татищев.

Пребывание Татищева в Москве благоприятно сказалось на его занятиях русской историей. Он сошелся здесь с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, в библиотеке которого было много древних рукописных книг, в том числе и летописей. После ареста князя в 1737 году большая их часть была растащена, самые ценные из них оказались в библиотеке у Бирона и пропали навсегда. В круг людей, с которыми Татищев общался в конце 20-х годов, входили

---

¹ Татищев купил здесь, в частности, изданное в Гамбурге в 1696 г. сочинение А. Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию», книгу шведской королевы Ульрики Элеоноры «О формах правления» (1719), 19 томов немецкого периодического издания XVII—XVIII вв. под названием «Европейское обозрение».

Антиох Кантемир, старший брат которого был женат на дочери Д. М. Голицына, и Феофан Прокопович. Василий Никитич обсуждал с ними свои философские произведения, а также написанные им в то время главы «Истории Российской». В московский период своей государственной деятельности Татищев начал писать самое значительное из своих философских трудов сочинение — «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».

В ночь с 18 на 19 января 1730 года умер молодой российский император Петр II. Верховный тайный совет¹, воспользовавшись тем, что взрослых наследников императорского престола не существовало, взял решение вопроса о новом императоре в свои руки. Рассмотрев возможные кандидатуры на императорский трон², «верховники» пришли к мнению о том, что необходимо пригласить на него младшую дочь брата и соправителя³ Петра I Иоанна Алексеевича курляндскую герцогиню Анну Иоанновну. Данное мнение было поддержано подавляющим большинством членов Сената, Синода, коллегий и генералитета.

Сделав выбор в пользу Анны Иоанновны, Верховный тайный совет одновременно решил, что она должна будет подписать перед своим воцарением документ с некими условиями, ограничивавшими ее власть. Первоначальный вариант этого документа, названного сначала просто «пунктами», а потом «кондициями», был разработан 19 января. Текст его был отвезен к Анне Иоанновне вместе с письмом, в котором «верховники» сообщали ей о смерти Петра II, а также о том, что они вместе с «духовного и всякого чина» светскими людьми «заблагорассудили российский престол вручить» ее императорскому величеству, а каким образом ее величеству «прави-

---

¹ В его состав входили в то время: канцлер граф Г. И. Головкин, вице-канцлер барон А. И. Остерман, князь Д. М. Голицын, князя А. Г. и В. Л. Долгоруковы. На заседании, собравшемся сразу после кончины Петра II, в состав Верховного тайного совета были включены генерал-фельдмаршалы князя В. В. Долгоруков и М. М. Голицын). Таким образом, Верховный тайный совет состоял с 19 января 1730 г. из семи человек.

² В числе таких кандидатур «верховниками» рассматривались: невеста умершего императора Екатерина Долгорукая и трехлетний внук Петра I, сын его дочери Анны и Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского, Петр (ставший впоследствии императором Петром III). Именно Анне Петровне должен был отойти императорский трон, согласно завещанию Екатерины I, в том случае, когда Петр II умирал при отсутствии наследника, но Анна умерла в 1728 г.

³ С конца мая 1682 до конца января 1696 г.

тельство иметь, тому сочинили кондиции». В конце письма «верховники» всепокорно просили Анну Иоанновну «оныя собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сяды, в Москву, ехать и российский престол и правительство воспрять»¹.

25 января Анна Иоанновна подписала привезенные ей «Кондиции», начертав на представленном ей тексте слова: «Тако по сему обещаю без всякого изъятия содержать. Анна». Письмом от 28 января Анна Иоанновна сообщила Верховному тайному совету о решении «принять державу» и о том, что подписала своей рукой, какими способами будет вести правление. На следующий день она отправилась в Москву.

Получив 30 января известие о том, что Анна Иоанновна согласилась вступить на престол и приняла предложенные ей условия правления, «верховники» приступили ко второй части своего плана — к выработке принципов, закрепляющих новый порядок осуществления монархической власти в России.

Петр II умер буквально накануне своего бракосочетания с княжною Екатериной Алексеевной Долгорукой². На предполагаемые торжества по случаю этого события в Москву съехалось множество гостей — дворян и купцов из различных мест России. «Верховники» понимали, что без опоры на широкие дворянские круги их замысел ограничения самодержавной власти потерпит неудачу. Поэтому они не скрыли своих намерений от собравшихся в Москве дворян. Естественно, что знали об этих намерениях и высшие духовные и светские должностные лица, не входившие в Верховный тайный совет. После десятилетий жестокого произвола, чинившегося Петром I и приближенными к нему вельможами, большая часть дворянства не могла не относиться сочувственно к попыткам обуздать произвольные действия верховной государственной власти и установить гарантии безопасности личности и собственности.

«Кондиции», предложенные Анне Иоанновне к подписанию «верховниками», отвечали интересам не только аристократии, но и всего дворянства. В исторической литературе приводятся различные варианты этого документа, но все они содержат обещание императрицы не лишать дворянина жизни, звания, имущества и чести

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. Кн. 10. М., 1963. С. 202.

² Данное бракосочетание должно было состояться днем 19 января. Петр II скончался в самом начале указанных суток — в половине первого ночи.

без суда¹. Кроме того, в «Кондициях» предусматривалось, что по таким вопросам, как объявление войны и заключение мира, обложение подданных новыми податями, производство в «знатные чины, как в стацкие, так и в военные, сухопутные и морские выше полковничья ранга», в придворные чины, пожалование вотчин и деревень, новая императрица должна принимать решение только по совету и с согласия Верховного тайного совета². В ведении последнего должны были находиться в соответствии с «Кондициями» гвардия и прочие войска. Однако для установления новой формы правления подобного документа было недостаточно.

2 февраля 1730 года члены Сената, Синода и генералитета были приглашены от имени Верховного тайного совета в назначенное на следующий день (то есть 3 февраля) собрание. В этом собрании были зачитаны письмо Анны Иоанновны от 28 января и подписанные ею «способы», которыми она свое правление вести желает, то есть «Кондиции»³. По словам историка С. М. Соловьева, во время указанного собрания «князь Алексей Михайлович Черкасский потребовал на словах, чтоб ему и другим позволено было подать мнения о новом государственном устройстве. Верховники согласились, исполняя этим свое прежнее обещание»⁴.

¹ «У шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать», — говорится в варианте «Кондиций», приведенных в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (кн. 10. М., 1963. С. 202) и в книге Д. А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880. С. 17—18). «У шляхетства чинов, деревень и земель без суда не отнимать», — такая формулировка дана в тексте, опубликованном в «Памятниках новой русской истории» (т. 1. СПб., 1871. С. 3). В варианте «Кондиций», приведенных в донесении французского посланника в России Маньяна в Париж, рассматриваемый пункт был изложен следующим образом: «Ни у кого из дворян не может быть отобрано имущество без ясного доказательства его вины» (цит. по: *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 48).

² См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 202—203; Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 167—170.

³ Указанное письмо было привезено в Санкт-Петербург 2 февраля генерал-майором Михаилом Леонтьевым. Об этом говорится во вступительной части «Формы присяги».

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 208. С. М. Соловьев в качестве даты собрания, в котором были оглашены письмо Анны Иоанновны и подписанные ею «Кондиции», называет 3 февраля. В современных работах, посвященных событиям 1730 г., указанной датой считается почему-то 2 февраля (см.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 178; *Плотников А. Б.* «Продолжение» Кондиций и последний политический проект Верховного тайного совета

Выработка проекта более обширного, более конкретного политического и правового акта, призванного закрепить ограничение самодержавной власти, началась в конце января и проходила вплоть до 25 февраля. Помимо «верховников» активную работу в этом направлении вели многие лица, представлявшие различные круги дворянства от крупного до мелкопоместного. Проекты, записки, просто мнения шли потоком в Верховный тайный совет¹.

В разработке одного из проектов принял по предложению шляхетского кружка, возглавлявшегося князем А. М. Черкасским, и В. Н. Татищев. По некоторым свидетельствам, Василий Никитич уже 23 января «читал кое с кем» записки о шведской форме правления, встречался с посланником короля Швеции и просил у него постановления рикстагов, обещая хорошо заплатить за эти документы. Этот факт показывает, что он был сторонником ограничения самодержавия в России и довольно решительного. Правда, после того, как ему стало известно, что российский императорский престол предложен Верховным тайным советом Анне Иоанновне — дочери царя Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны, при дворе которой он был стольником, его желание поддерживать такие планы должно было ослабеть.

Составленное Татищевым в 1730 году «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», конечно, не выражало в полной мере заветных его мыслей по данному вопросу. Татищев стремился в этом документе облечь в письменную форму то, с чем были согласны все члены кружка князя Черкасского или по крайней мере большинство их². Да и писалось названное «разсуждение» уже после того,

---

в 1730 г. Верховники за изучением предложений «знатного шляхетства» // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 225). На самом деле 2 февраля Верховный тайный совет лишь объявил об этом собрании, которое предложил созвать *на другой день*.

¹ Сохранились тексты около 20 более или менее крупных проектов ограничения в той или мере произвола самодержавной власти, подписанных группами дворян. В общей сложности около одной тысячи представителей дворянского сословия поставили свои подписи под такими проектами. См. некоторые из этих проектов в издании: Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 170—177.

² «Сии пункты по два раза в немалых собраниях шляхетства читаны и допалнивая, я в доме Василиа Новосильцова февраля 4 числа 1730 подписали», — говорилось в «разсуждении» после изложения всех предложений по новому устройству верховной государственной власти. Далее шел перечень фамилий подписавших до-

как попытки ограничить самодержавие провалились. Однако компромиссный характер содержащихся в нем предложений был вполне в духе мировоззрения Татищева. В «разсуждении», с одной стороны, выражалось неприятие слишком решительного ограничения самодержавия, при котором аристократия становилась бы властвовавшей силой. «Аристократия нас довольно вредом приключенным научила»¹, — заявлял Татищев, ссылаясь при этом на конкретные исторические примеры². С другой стороны, неприемлемым объявлялось в рассматриваемом документе сохранение самодержавной власти в прежнем ее объеме и на прежнем основании. В нем все же проводилась идея ограничения самодержавия, пусть и в очень осторожной, завуалированной форме. «Государыня императрица, — говорилось в «разсуждении», — хотя мы ее мудростию, благонравием и порядочным правительством в Курляндии довольно уверены, однако ж как есть персона женская, к так многим трудам неудобна, пачеже ей знание законов недостает, для того на время, доколе нам всевыший мужескую персону на престол дарует, потребно нечто для помосчи ее величеству вновь учредить, но каким порядком, то, довольно третияго дня разсуждая в великом собрании, положили следующее.

1. Быть при ее величестве в Вышнем правлении, Сенате или Совете 21-й персоне, в котором нынешний Верховный совет останется.

2. Чтоб оной делами внутренней економии отягосчен не был, другое правительство учредить во сте персонах, которым по третям года третьей части в правлении оставятся, а две части могут в домех своих управлять. Но в каждой трети в конце, то есть в декабре, апреле, августе или в начале, в генваре, мае и сентябре, для разсмотрения важных дел кождогодно собираться или когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя или другое так великое

кумент — всего 288 (*Татищев В. Н.* Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 151).

¹ *Татищев В. Н.* Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном. С. 148.

² «Как скоро великие князья детей своих равно стали делить и оные удельные, не повинуюся великим князем, ввели аристократию, а потом несогласиами друг друга разоряли, и зделались великие князи безильны, тогда татара, нашед, всеми обладали, литовские бывшею под властию многую часть от государства отторгнули. И так пребывало государство в рабстве татарском более 200 лет» (там же).

дело, то по повестке всем съезжаться и не более месяца общее собрание продолжать»¹ и т. д. — всего десять пунктов, которые предлагалось рассмотреть собранием из 100 достойных людей, избранных всем шляхетством².

Утром 25 февраля 1730 года делегация, возглавляемая князем А. М. Черкасским, подала Анне Иоанновне в присутствии членов Верховного тайного совета, Сената, генералитета и нескольких сотен простых дворян петицию, удостоверенную подписями 87 человек. Текст петиции зачитал В. Н. Татищев. Среди лиц, подписавших данный документ, были, помимо князя Алексея Черкасского, также князья: Петр Черкасский, Борис и Григорий Юсуповы, Никита Трубецкой, Иван Борятинский, Данило Друцкой, Андрей Шаховской, графы: Иван и Михайло Головкины и Матвеев. В петиции выражалась благодарность новой императрице за то, что она изволила «представленные от Верховного Совета пункты подписать» и после этого говорилось: «Однако же, Всемилостивейшая Государыня, в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такая, что большая часть народа состоит в страхе предбудущаго безпокойства, из которого только неприятелем Отечества нашего польза быть может, и хотя мы, с благоразсудным рассмотрением написав на оные наше мнение, с подобающею честью и смирением Верховному Тайному Совету представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствия всего Государства по оному, яко по большому числу голосов, безопасную Правления Государственного форму учредить, однако же, Всемилостивейшая Государыня, они еще о том не разсудили, а от многих и мнений подписанных не принято, а объявлено, что того без воли Вашего Императорского Величества учинить невозможно»³. Далее в петиции содержалась просьба к императрице разрешить «собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий рассмотреть и все обстоятельства изследовать, согласным мнением по большим голосам форму Правления Государственного сочинить»⁴ и представить к утверждению ее величеству.

¹ Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном. С. 150.

² Там же. С. 151.

³ Петиция депутации дворянства об изменении формы правления (подана А. М. Черкасским) // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. С. 178.

⁴ Там же. С. 179.

Выслушав петицию, Анна Иоанновна подписала ее. И в этот момент из толпы присутствовавших в зале офицеров-гвардейцев раздались крики: «Не хотим, чтоб государыне предписывались законы, она должна быть такою же самодержицею, как были все прежние государи». Анна Иоанновна стала успокаивать их, но гвардейцы опустили перед ней на колени и закричали: «Государыня, мы верные подданные вашего величества; мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе вашего величества; но мы не можем терпеть, чтоб вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев»¹. Видевшие эту сцену податели петиции выразили желание написать новый ее вариант и попросили Анну Иоанновну принять их еще раз в этот же день, после обеда.

За короткое время была составлена новая петиция в адрес императрицы. Ее подписало уже 150 человек. Дворянство обращалось к Анне Иоанновне в данной петиции со следующими словами: «Когда Ваше Императорское Величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно, для лучшего утверждения и пользы отечества нашего, сего числа подписать, недостойных себе признаем к благодарению за так превосходную Вашего Императорского Величества милость. Однакож усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарства всеподданнейше приносим и всепокорнейше просим всемилостивейше принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к Вашему Императорскому Величеству от Верховного Совета и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить»².

После того, как чтение петиции было закончено, императрица, притворившись удивленною, спросила: «Как! Разве пункты, которые мне поднесли в Митаве, были составлены не по желанию целого народа?» Обвинив «верховников» в обмане, она распорядилась принести к ней текст «Кондиций» и демонстративно его изорвала.

¹ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 218. См. также донесение французского агента де Бюсси от 26 февраля 1730 г., опубликованное в издании: *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 68.

² Петиция депутации дворянства о восстановлении самодержавной формы правления (подана Трубецким) // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. С. 181.

«Верховники» потерпели неудачу *не потому, что не нашли достаточной поддержки со стороны русского дворянства своему замыслу ограничить произвол верховной государственной власти*, но по той причине, что не сумели убедить дворян в действительном наличии у них такого замысла. Как ни парадоксально, дворяне, поддержавшие «верховников», и те, кто «всемилоостивейше» просил Анну Иоанновну принять «самодержавство» таким, каковое имели ее «преславные и достохвальные предки», руководствовались в своих действиях *одинаковым мотивом* — и те, и другие боялись произвола верховной государственной власти. Не случайно в первой из петиций, представленной Анне Иоанновне дворянами 25 февраля 1730 года, недвусмысленно говорилось о реформе государственного строя России. О государственных преобразованиях шла речь и в дворянских проектах, представлявшихся в Верховный тайный совет. Расхождение между «верховниками» и массой простых дворян заключалось лишь в том, что первые считали, что опасность произвола со стороны верховной государственной власти сильнее в случае, когда данная власть находится в руках одного лица, вторые же полагали, что произвол коллегиальной верховной власти хуже произвола одного лица¹.

Участие В. Н. Татищева в кружке князя Черкасского, поддержавшего самодержавные устремления Анны Иоанновны, поначалу благотворно сказалось на его карьере. Ему было поручено исполнять почетную должность обер-церемониймейстера при коронации новой императрицы. В день же самой коронации, 28 апреля 1730 года, Василий Никитич был возведен в чин действительного тайного советника. Ему было пожаловано имение с тысячью душ.

До переезда царского двора из Москвы в Санкт-Петербург Татищев несколько раз приглашался государыней на беседы. Анна Иоанновна просила его написать историю царствования Петра I. Василий Никитич отказался выполнить эту просьбу, сказав, что правда многим не понравится, а писать неправду ему не хочется. Он обсуждал также с императрицей план учреждения «Академии ремесел» в составе четырех отделений: архитектуры, механики, живописи и скульптуры. И Анна Иоанновна склонялась поддержать

---

¹ См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Политические и правовые идеи проектов ограничения самодержавной власти в России 1730 года // Проблемы теории права и государства, истории политико-правовой мысли: Сборник работ учеников, друзей, коллег профессора О. Э. Лейста. Алматы, 2005. С. 238—251.

его, но Генрих Иоганн Остерман, завоевавший доверие императрицы предательством «верховников», убедил ее величество, что деньги будут потрачены в данном случае напрасно.

Из множества проектов Татищева, направленных на совершенствование государственного управления и стимулирование развития науки и образования в России, Анну Иоанновну по-настоящему заинтересовало только его предложение принять срочные меры к исправлению денежной системы. Финансы Российской империи находились в плачевном состоянии. Инфляция намного превышала разумные пределы. Василий Никитич советовал императрице в первую очередь провести изъятие из оборота старых неполноценных серебряных монет с тем, чтобы переплавить их на монеты установленной нормы. Анна Иоанновна согласилась на эту меру.

В июне 1730 года Татищев был назначен на место «главного судьи» Монетной конторы. Осуществление скупки у населения старых серебряных монет он решил возложить на группу деловых людей, полагая, что только личная заинтересованность исполнителей данной меры позволит быстро ее провести. В сентябре 1731 года эта компания заключила с казной контракт, по которому обязалась за определенную долю прибыли скупить у населения указанные монеты.

Осуществление данной операции заняло два года. В результате ее казна получила 13 500 рублей прибыли, а частная компания более 82 000. Все прошло в соответствии с заключенным контрактом, но один из участников компании, рассорившись со своими товарищами, подал руководителю Монетной конторы Михаилу Головкину донос, в котором поведал о многочисленных злоупотреблениях, которые допускались компанейщиками и чиновником Монетной конторы Татищевым.

Доносу немедленно был дан ход. Невыгодность проведенной операции для казны была слишком очевидной. С другой стороны, Татищев еще в 1731 году рассорился с любимцем Анны Иоанновны Эрнестом-Иоганном Бироном. Не сложилось у него нормальных отношений и с Михаилом Головкиным, который был почти на двадцать лет моложе его и мало что смыслил в монетном деле. В марте 1733 года Татищев был отстранен от должности «главного судьи» Монетной конторы и предан суду «за послабление компанейщикам». Его ждала суровая расправа, но Анна Иоанновна проявила милость и прекратила заведенное в отношении него уголовное дело. Однако в Москве Татищев не остался.

На Урале освобождалось место управляющего казенными заводами. Анна Иоанновна решила удовлетворить просьбу Вилима Геннина об отставке с этой должности, а Татищев, как человек уже занимавшийся этим делом, являлся лучшей ему заменой.

23 марта 1734 года Анна Иоанновна издала на имя действительного статского советника Татищева инструкцию, в которой предписала ему «ехать по первой полой воде, не мешкая» на Урал принимать дела у генерал-поручика Геннина. В 22 пунктах инструкции было подробно расписано, что надлежало делать новому управляющему уральской промышленностью¹. «Иметь тебе к размножению и пользы и прибыли Нашей крайнее прилежание», — говорилось в этом документе. Помимо строительства новых казенных заводов, Татищев должен был принять меры, «чтоб порядок канцелярский был добрый», понуждать геодезистов «к сочинению всей Сибири исправных ландкарт» и надзирать за их работой, присылать составленные ландкарты к императрице, «приобщая обстоятельное географическое описание». Пункт 10 государственной Инструкции гласил: «Тако ж Демидову и прочим в размножении их заводов, колико без ушерба размножению казенных заводов учинено быть может с прилежностию, им возмочь». При этом Татищев был обязан «иметь смотрение над всеми партикулярными заводами». Он должен был проследить, дабы частные предприниматели «по надлежащему строили и размножали новые заводы», чтобы «медь и железо делали как наилучше возможно, а негодного б железа и нечистой меди в продажу и отпуск не употребляли».

Инструкция предоставляла новому управляющему уральской промышленностью право принимать решения по многим важным вопросам без согласования с Сенатом и Кабинетом. Ему рекомендовалось советоваться лишь с Казанским и Сибирским воеводами.

Приняв в начале октября 1734 года дела от Вилима Геннина, Татищев поехал по Уралу осматривать заводы. Он хорошо понимал, насколько сложными бывают на практике взаимоотношения представителей государственной власти с частными заводчиками. Поэтому первые свои усилия в новой должности направил на выработку точных правил и процедур, способных урегулировать ведение горного дела.

---

¹ Инструкция от 23 марта 1734 г. действительному статскому советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую губернию для *смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых* // 1-ПСЗРИ. Т. IX. № 6559.

9 ноября 1734 года Татищев принял со своими советниками решение об устройстве на Урале «особливой конторы и приказа» для отправления «судных и розыскных дел», осуществления разбирательств по «земским крепостным и полицмейстерским делам». Подобное учреждение существовало здесь с 1723 по 1727 год. 2 января 1736 года Татищев решил открыть Контору земских и юстицких (судных) дел.

Татищев с самого начала предполагал, что все подобные учреждения будут действовать на основе Уложения 1649 года и принятых после него новоуказных статей, регламентов, уставов, инструкций и других законов Российской империи. Поэтому он в первый же год своего пребывания на Урале постарался закупить на выделенные казной деньги достаточное количество «книг указов печатных» и произведений иностранных юристов по горному законодательству¹. Кроме того, Василий Никитич передал в Канцелярию главного правления сибирскими горными заводами немало законодательных актов из своей личной библиотеки. В ней имелись почти все печатные издания российских законов периода правления Петра I. С 1714 года Татищев собирал указы, касавшиеся горных дел, — причем собирал в двух экземплярах, как будто предчувствуя свое будущее уральское поприще. В результате Контора земских и юстицких дел была вполне обеспечена законодательными актами, необходимыми для отправления правосудия: в ее распоряжении имелись, например, такие документы, как Соборное уложение, Табель о рангах 1722 года, Наказ губернаторам и воеводам 1728 года, Регламент Камор-коллегии 1731 года, копии с «пополнительных указов» и др.

Пункт 18 полученной Татищевым от императрицы Анны Иоанновны Инструкции предписывал ему «в случившихся между промышленниками распрях по указам, правильной и непродолжительной суд и расправу чинить». Но при этом новому начальнику над сибирской промышленностью разрешалось в случае отсутствия в действующем законодательстве норм, необходимых для судебного разбирательства споров между заводчиками, выступить самому в

---

¹ Татищевым были куплены, в частности: изданная в Дрездене в 1698 г. книга немецкого правоведа Себастьяна Спана «Зерцало горных прав (Speculum Juris Metallici oder Berg-Rechts Spiegel)», напечатанное в 1710 г. в Лейпциге произведение Христофора Герттвига «Новая и полная горная книга (Neues und vollkommenes Berg-Buch)».

качестве их разработчика. «А понеже о том еще обстоятельных и довольных уставов, за новостию того дела, не имеется, а впредь без того миновать не возможно, — говорилось в Инструкции, — того ради, по рассмотрению надлежащих указов, и по причине приключившихся или впредь чаемых распрь между заводчиками и мастерами, в делах, к заводам принадлежащих, сочинить устав, к которому для совета созвать самих промышленников или прикащиков, и оной прислать к Нам для рассмотрения; також и впредь ежели на которое дело ясных указов не будет или обстоятельство дела с указами не согласуют: то вам поступать по тому же»¹.

Действуя в полном соответствии с этим пунктом Инструкции, Татищев вскоре после приезда на Урал приступил к составлению Горного устава. Он собрал в Екатеринбурге частных промышленников и прикащиков и поделился с ними своим замыслом, попросив их высказывать свои мнения, причем совершенно свободно: «Всяк имеет волю свое мнение объявить, колико ему бог в том знания уделил, и при том остаться доколе или тот, или другой, познав лучшую истину, первое переменит; я же вам всем по моей должности и по крайнему разумению служить и моим советом помогать желаю»².

Составленный В. Н. Татищевым проект Горного устава вносил новый дух в систему управления уральской горной промышленностью. В учреждении, носившем прежде немецкое название «Обербергамта» и переименованном Татищевым в «Канцелярию главного правления сибирскими горными заводами»³, устанавливался коллегиальный порядок принятия решений. Противопоставляя его порядку, обыкновенно существовавшему в его время в коллегиях,

¹ 1-ПСЗРИ. Т. IX. № 6559.

² Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 489.

³ Татищев заменил немецкие слова на русские в названиях не только заводских учреждений, но и в наименованиях должностей, а также технических сооружений и механизмов. Эту замену он объяснял следующим образом: «Усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в строении заводов все чины и работы, якоже и снасти, по-немецки названы, которых многие не знали и правильно выговорить или написать не умели, сожалея, чтобы слава и честь отечества и его труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе неподлежащие в размножении заводов честь привлекать, еще же из того и вред усмотря, что незнающие тех слов впадали в невинное преступление, и дело во опущении, яко полномочный, все такие звания оставил, а велел писать русскими» (цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 493).

Татищев писал: «В некоторых тому подобных *собранных правлениях*, не весьма уставу следуют, яко главные, прежде выслушать нижних голосов, свое мнение объявляют, для которого иногда нижние за почтение, из маности или за страх, истинное свое мнение и сущую надлежность не объявля, оставляют и оному неправильному согласуют и последуют, а потом, когда к суду позваны бывают, тем отговариваются, что не они большие; другие же коварно при даянии голосов весьма молчат, и когда протокол к закреплению придет, тогда, показывая себя, начинают спорить и новые доводы показывать, чрез что в делах токмо делают продолжение; некоторые же по закрепе дерзают противу порядка из домов своих протесты присылать или протоколисту отдают, ища токмо других невинно опорочить»¹.

Татищев осуждал в своем уставе злоупотребления, допускавшиеся судьями, считая главным их прегрешением осуждение невинных по злобе или за взятки. «Некоторые судьи, — говорилось в татищевском уставе, — забыв страх божий и вечную души своей погибель и презрев законы, многократно по злобе или кому друга, а наипаче проклятым лихоимством прельстятся или кто глупым и нерассудным свирепством преисполняя, людей неподлежаше на пытки осуждают и без всякой надлежащей причины неумеренно и по неколику раз пытаются; некоторые же до смерти пытаются, и на смерть или к лишению чести без всякого к тому надлежащего доказательства осуждают»². В соответствии с нормами устава земский судья не мог назначать пытки обвиняемому, не поставив в известность главное заводское правление и не получив от него согласия на них. Приговор к смертной казни должен был, согласно уставу, выноситься только в присутствии всех членов Канцелярии главного правления.

В августе 1735 года разработанные Татищевым проекты Горного устава и других законов, регулирующих деятельность промышленников, были одобрены собранным им в Екатеринбурге съездом уральских заводчиков и их представителей. Однако императрица Анна Иоанновна по совету Э. И. Бирона отклонила татищевский проект Горного устава. Не получивший официального утверждения верховной государственной власти, этот устав тем не менее счи-

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 490.

² Цит. по: там же.

тался действующим среди уральских промышленников вплоть до конца XVIII века. Изданный в 1739 году Берг-регламент не мог его заменить: он состоял всего из 22 статей и регулировал, главным образом, вопросы статуса и деятельности Генерал-Берг-директориума, открытия новых рудников, налогообложения частных заводов¹.

Э.-И. Бирон, конечно, был уязвлен тем, что Татищев переименовал на Урале немецкие названия учреждений, должностей и механических устройств на русские, добившись разрешения на такую перемену от императрицы. Василий Никитич знал это: в одном из своих писем он писал, что Бирон «так сие за зло принял, что не однажды говаривал, якобы Татищев главный злодей немцев»². Но вместе с тем он понимал, что противодействие Бирона его проектам совершенствования управления уральской промышленностью выражало появившийся у временщика интерес к этой доходной отрасли государственного хозяйства.

Летом 1735 года на горе Благодать, расположенной рядом с Верхней Турой, были открыты богатейшие месторождения железа. Татищев сразу, как узнал об этом открытии, принял решение построить здесь новые казенные заводы и составил документ о закреплении за государством права разрабатывать недра горы. Когда эти сведения дошли до Акинфия Демидова, он бросился к Татищеву и предложил тому взятку в 3000 рублей за уступку ему гороблагодатского месторождения. Подобные предложения сделали Татищеву и другие заводчики, в частности, братья Осокины. Но Василий Никитич отказался принять щедрые подношения и отвел частным заводчикам лишь несколько участков богатой железной рудой горы. Почти всю разработку горы Благодать стали вскоре вести построенные по инициативе Татищева Кушвинский и Верхнее-Туринский казенные горные заводы.

В сентябре 1735 года Василий Никитич написал Анне Иоанновне: «Сего сентября 5 числа ездил я отсюда (из Екатеринбурга. — *В. Т.*) на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал: она гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст по 100 и более; руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом в длину более 200 сажен, поперек на полдень сажен на 60; раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная од-

¹ См.: Берг-регламент от 3 марта 1739 г. // 1-ПСЗРИ. Т. X. № 7766.

² Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 493.

ним камнем в глубину; надеюсь, что и во многие годы дна не дойдем. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открывалось, тем же и вашего величества имя¹ в ней в бессмертность славиться имеет»².

В дополнение к этому в Архангельской губернии (в Лапландии) были обнаружены богатые залежи руды, из которой можно было выплавлять медь. Бирон решил взять разработку гороблагодатского месторождения железа и лапландских залежей серебра под свой контроль. Летом 1736 года он принял на службу целую группу немецких специалистов по горному делу во главе с бароном Куртом Александром фон Шёмбергом. 4 сентября императрица Анна Иоанновна подписала Указ, в котором говорилось: «Понеже Саксонский Обер-Берг-Гаумтман и Королевско-Польского Камергер Барон Шемберг принят на службу Нашего Императорского Величества, в чине Генерал-Берг-Директора, которому всемилостивейшее указали Мы: 1. Правление горных и рудокопных дел и заводов поручить, и следовательно, оные дела от Коммерц-Коллегии весьма отрешить, и особливый о том Департамент под главною его дирекциею учредить. 2. Оное порученное ему правление впредь называть Генерал-Берг-Директориум, которому непосредственно зависеть от Высочайших наших повелений, и в прочем иметь все преимущества, которыми прежняя Берг-Коллегия пользовалась и прочия Коллегии пользуются. 3. Понеже помянутому Генерал-Берг-Директору Шембергу, яко Президенту Генерал-Берг-Директории, правление всех в Государстве горных и рудокопных дел поручено, то и Действительному Статскому Советнику Татищеву, сколько до порученных ему Сибирских заводов касается, равно как прочим заводам, быть под ведомством его же Шемберга»³.

Став во главе горной промышленности России, Шёмберг разослал по заводам вопросник из 17 параграфов, с помощью которого надеялся получить хоть какие-нибудь сведения о российском гор-

¹ Татищев намекает здесь на то, что имя Анна означает Благодать.

² Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 489.

³ Указ от 4 сентября 1736 г. «О именовании Правления горных и рудокопных дел Генерал-Берг-Директориумом, с присвоением ему преимуществ прежней Берг-Коллегии и прочих Коллегий; о награждении за отыскания руд или за приискание к рудокопному строению способных мест и дозволении таковым объявителям заводить самим рудокопные заводы» // 1-ПСЗРИ. Т. IX. № 7047.

ном деле¹. Содержание вопросника показывало, что иностранец ничего не знал о том, как развивалась в России горная промышленность и какими особенностями она отличалась. Впрочем, поставлен он был Бироном на должность президента Генерал-Берг-директории не с целью способствовать развитию данной отрасли государственного хозяйства, но для того, чтобы организовать поступление доходов с горных заводов в личное распоряжение Бирона. Естественно, что Татищев мог только мешать этому грабежу иностранцами государственной казны. Поэтому Бирон и его подельник Шёмберг постарались удалить честного русского чиновника от управления уральскими горными заводами. Для этого они вступили в союз с частными заводчиками Демидовым² и Строгановым. Те написали жалобы на Татищева, этим жалобам Бирон дал ход — в результате Анна Иоанновна приняла решение отстранить Татищева от руководства сибирской промышленностью. Вскоре представился случай сделать это в мягкой форме. 14 апреля 1737 года умер Иван Кириллович Кириллов (1689—1737) — начальник Оренбургской экспедиции, организованной в 1731 году в целях освоения Оренбургского края. И Анна Иоанновна своим рескриптом от 10 мая 1737 года назначила Татищева на его место. Как бы желая осветлить проявленную по отношению к нему черную неблагодарность, государыня объявила: «Мы на ваше вечное радение и доброе искусство всемилостивейшее полагаемся, и что вы в оной комиссии тщательнейшие свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей к вам высочайшей милости и действительном награждении всегда обнадежены быть можете, яко же и ныне в знак того вас в наши тайные советники жалуем»³.

Получив новое назначение, Татищев формально остался в прежней должности и продолжал считаться начальником над сибирскими заводами до 5 марта 1739 года. В этот день императрица

¹ Рожков В. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. С. 160.

² Акинфий Демидов предоставил Шёмбергу один из своих домов.

³ Об этом своем назначении Татищев писал: «В 1737-м над чаяние и желание мое пожалован тайным советником и с должностию генерала-поручика определен к военной команде в Оренбургскую экспедицию, ис которого вида, что уже к докончанию способа не достанет, всю мою библиотеку, состоящую более 1000 книг, для пользы заводских школ (которые трудом моим учреждены и в доброй порядок приведены были) оставил» (*Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. С. 349*).

утвердила резолюцией «учинить по сему» доклад Шёмберга, в первом пункте которого говорилось: «Когда уже, по силе от Высочайшего Кабинета представленных и Всемилостивейшее апробованных пунктов, касающихся до нового учреждения горных дел; Ее Императорское Величество Всемилостивейшее повелеть изволила казенные заводы отдать партикулярным людям, то следовательно, и драгоценные Горные Канцелярии в Сибири и тамошних местах потребно отставить; а понеже Господин Тайный Советник Татищев, по Именному Ее Императорского Величества указу, содержит команду над Сибирскими и в тамошних местах лежащими, как казенными, так и партикулярными заводами; того ради, оная команда у помянутого Господина Тайного Советника Татищева без Именного ж Высочайшего указа взята быть не может»¹.

* * *

Подоплека такой перемены в карьере не была тайной для Татищева. Раскрывая ее, он писал в 1745 году: «Берг-директориум учинено в 1736 году вместо Берг-коллегии; когда Бирон вознаменился оный великий государственный доход похитить, тогда он, призвав из Саксонии Шемберга, который хотя и малого знания к содержанию таких великих казенных, а паче железных заводов не имел и нигде не видел, учинил его генералом берг-директором с полною властью, частью подчиняя Сенату, но потом видя, что Сенат требует о всем известия и счета, а Татищев, которому все сибирские заводы поручены были, письменно его худые поступки и назначение представил: тогда, оставя все учиненные о том комиссии представления, все заводы под именем Шемберга тому Бирону с некоторыми темными и весьма казне убыточными договоры отдал»².

Удалив Татищева с Урала, Бирон с Шёмбергом развязали себе руки. Им было теперь легче осуществить свой замысел приватизации государственных заводов, успешно и с большим доходом для казны разрабатывавших гороблагодатское месторождение железных руд. Анна Иоанновна согласилась на передачу этих заводов создан-

¹ Высочайшая резолюция на доклад Генерал-Берг-Директора фон Шемберга «Об уничтожении Горных канцелярий в Сибири...» // 1-ПСЗРИ. Т. X. № 7768.

² Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1. С. 144—145.

ной ими частной компании не сразу. Она решила, что данный вопрос необходимо сначала обсудить с приближенными сановниками. 31 мая 1738 года императрица именным, данным Сенату, Указом учредила при Генерал-Берг-директориуме особую комиссию для разрешения вопроса: «как выгоднее содержать горные заводы, казною ли или частными людьми». В ее состав были включены: действительный статский советник барон Шафиров, обер-шталмейстер князь Александр Куракин, тайные советники граф Михаил Головкин и граф Мусин-Пушкин. В задачу названных лиц вменялось обсудить поставленный вопрос и подать императрице свое мнение. Комиссия, как ей было предписано, немедленно приступила к работе. Она признала вполне выгодным в целом для государства содержание горных заводов частными лицами, но отказалась поддержать просьбу Шёмберга о передаче ему казенных гороблагодатских заводов. Иностранец утверждал, что для казны от этих заводов нет никакой прибыли, но Татищев оценивал их как очень выгодные для государства предприятия. Он сообщил комиссии, что Кушвинский завод производил в бытность его на Урале 290 000, а Верхне-Туринский — 140 000 пудов железа, на них работало 600 человек и они давали государству 50 000 рублей прибыли в год¹. В результате комиссия представила в Кабинет мнение о том, чтобы гороблагодатских заводов «Шембергу не отдавать», так как «он, Шемберг, только будет рачить об одной своей партикулярной, а не о Государственной прибыли и пользе»².

Столь неблагоприятное мнение комиссии о Шёмберге не помешало, однако, Бирону убедить Анну Иоанновну передать государственные гороблагодатские заводы в распоряжение барона. 3 марта 1739 года императрица подписала Привилегию Генерал-Берг-Директору Курту Александру фон Шёмбергу «Об учреждении Горной компании для разработки руд, отысканных у речки Русенихи и в Верхотурье в горе, называемой Благодатью»³. Согласно пункту 8 это-

¹ См.: *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // *Горный журнал.* 1885. № 4 (апрель). С. 457.

² Я привожу это мнение по пересказу, изложенному в определении Сената от 25 июня 1742 г. «Об отобрании по силе указа 7 апреля сего года у барона фон Шемберга Гороблагодатских и в Лапландии горных заводов...» // 1-ПСЗРИ. Т. XI. № 8571 (СПб., 1830. С. 616).

³ 1-ПСЗРИ. Т. X. № 7767.

го документа иностранцу было дозволено платить в казну с выплавленной меди не одну десятую долю, как это предписывалось всем русским заводчикам в высочайше утвержденном в тот же день Берг-регламенте, но лишь «по одному рублю с каждого пуда» — удивительная даже по тем временам щедрость!

Но Шёмбергу столь большой выгоды оказалось недостаточно. После восшествия на российский императорский престол дочери Петра I Елизаветы¹ сенаторы решили расследовать аферу Бирона—Шёмберга с приватизацией государственных заводов. И выяснилось, что эти иностранцы оказались не только аферистами, но и обыкновенными лихоимцами. Организовать как следует работу подаренных им Анной Иоанновной государственных заводов они не сумели, поэтому запустили руки в казну. По подсчету Татищева, Бирон и Шёмберг за два года своего разгула на Урале похитили более 400 000 рублей государственных денег². Факт хищения Шёмбергом денежных средств из казны был официально признан актами Сената.

Высочайше утвержденным докладом Сената от 7 апреля 1742 года было ликвидировано учреждение, носившее название «Генерал-Берг-директориум», вместо него были восстановлены Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия. В этом же докладе было заявлено: «А ныне в Сенате из дел усмотрено, что от помянутого Генерал-Берг-Директора, чрез точное поручение в ведомство одному тому Шембергу, всех горных и рудокопных дел, не токмо казенная польза последовала, но сам он Шемберг, за взятое казенное железо, уже по прошествии довольного за сроком времени великою суммою должен, а сверх того, на нем же, Шемберге, казенных денег надлежит взыскать не мало же»³.

18 мая 1742 года барон фон Шёмберг подал довольно резкую в выражениях челобитную в Сенат. В ответ сенаторы вынесли 25 июня того же года определение, в котором приказали: «Оное его, Шемберга, челобитье, яко не токмо к оправданию его служащее и неосновательное, но еще и по немало внесенным в том противным экс-

¹ В XVIII в. это имя писали и произносили как Елисавета.

² См.: *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 2. С. 22.

³ Высочайше утвержденный доклад Сената от 7 апреля 1742 г. «О бытии вместо Генерал-Берг-Директориума по прежнему Берг и Мануфактур-Коллегиям, каждой особо» // 1-ПСЗРИ. Т. XI. № 8543.

прессиям, отставить (т. е. отклонить. — *В. Т.*)»¹. В обоснование своего решения сенаторы привели факты, которые выставляли Шёмберга в качестве настоящего уголовного преступника. Так, они указали, что руды в Лапландии были открыты не Шёмбергом, но архангелогородцами Ерофеевым и Мырцовым, которые «тогда ж и просили, что они заводы заведут своим коштом и вольными работными людьми компаниею, и объявляли к тому заведению сумму довольную, Гороблагодатские же заводы построены немалым казенным иждивением, а именно, издержано на оное 42.159 рублей, которые деньги при отдаче ему тех заводов он, Шемберг, заплатил, обязался еще в 739 году, но и не токмо всей той суммы не заплатил, но и ничего не уплатил; а по данной ему особливо на те заводы 739 года привилегии повелено, и по поданному от него самого в 738 году, Марта 19 дня доношению, он с будущего года платит в казну с Гороблагодатских заводов, по 6.000 рублей в год, а в Лапландии с каждого пуда изготовленной меди по рублю..., также за содержание при заводах пива, вина, табаку и за приписных к тем заводам людей, которых отдано более полутрети тысячи душ, подушные деньги и прочие доходы в казну платить обязался; а по поданной из Берг-Коллегии ведомости показано, что с Лапландских заводов никакого в казну платежа с начала не бывало и поныне нет, да и плавки де меди не было, а о Гороблагодатских заводах и о платеже положенных в казну доходов и известия нет, и от него барона Шемберга не показано». При расследовании аферы Шёмберга сенаторы установили, что он вместо того, чтобы тратить на содержание находившихся в его владении заводов собственные деньги, брал несколько раз средства из казны — в большинстве своем деньгами, но частью железом. В результате Сенат постановил взыскать с иностранца-лихоимца 134 944 рубля немедленно, а 99 635 рублей 77 копеек по истечении 1742 года, если он предоставит надежную гарантию выплаты этих денег.

На основании действовавших законов — принятых Петром I указов, в соответствии с которыми предписывалось отбирать заводы у незначительных заводчиков, неспособных наладить их работу и

---

¹ Высочайше утвержденное определение Сената от 25 июня 1742 г. «Об отобрании по силе указа 7 апреля сего года у Барона фон Шемберга Гороблагодатских и в Лапландии горных заводов и сальных и китоловных промыслов, и об управлении оных от казны, доколе явятся желающие взять их в содержание» // 1-ПСЗРИ. Т. XI. № 8571.

получать от этого прибыль, содержащих свои предприятия не так, как предусмотрено привилегией, сенаторы приняли решение: «Того ради вышеписанные Гороблагодатские и ту гору Благодать, и в Лапландии горные заводы и сальные и китоловные промыслы... от него Барона фон Шемберха отобрать в немедленном времени, и содержать оные, пока в содержание охочим к тому надежным людям с приращением казенной прибыли отданы будут, казенным коштом, имея при том Берг и Коммерц-Коллегиям доброе и прилежное старание, чтоб оные, не токмо упущены, но и с приращением казенной прибыли содержаны были». Одновременно сенаторы решили доложить ее императорскому величеству, что по силе Указа от 10 января 1721 года имение Шёмберга и письма его, кои есть в России, надлежит все запечатать, «а его, Шемберха, взять под караул и спрашивать: не утаил ли он где каких своих имений, и кому не роздал ли под образом займа или каких сделок и в долги, и в купечество, и кому именно, и когда, и сколько».

* * *

Служба Татищева в качестве начальника Оренбургской экспедиции продолжалась два года. Тем не менее Василий Никитич многое успел: установил соответствующие своей натуре порядки в администрации экспедиции, организовав коллегиальную систему принятия решений и наладив делопроизводство. Повел решительную борьбу со злоупотреблениями чиновников по отношению к местному населению, приступил к организации школ для обучения местных жителей русской грамоте. Оказавшись в новом регионе Российской империи, Татищев стал изучать его географию, составлять карты. 1738 год был для него периодом интенсивных научных занятий. Он подготовил к печати открытый им в 1734 году Судебник Ивана IV, написал еще одну часть главного своего труда «Истории Российской».

Между тем открытое противодействие Татищева затеянной Бироном и Шёмбергом приватизации государственных горных заводов даже после того, как он был отстранен от руководства сибирской промышленностью, вызвало ответную реакцию временщика. Он нашел недовольных Татищевым в администрации Оренбургской экспедиции, а таковых найти было нетрудно — Василий Никитич был беспощаден к взяточникам, казнокрадам, садистам, измывавшимся над местным населением, — и сфабриковал с их помощью

обвинения против него. В Петербург потоком пошли доносы на негодного Бирону русского государственного деятеля.

Василий Никитич находился с января 1739 года в Санкт-Петербурге, он знал о том, что над его головой опять собирается гроза, но спокойно продолжал заниматься своими делами, надеясь, что все обойдется обыкновенными раскатами грома.

27 мая 1739 года Кабинет распорядился создать следственную комиссию для разбора выдвинутых против Татищева обвинений, спустя два дня обвиняемый был отстранен от должности начальника Оренбургской экспедиции и взят под домашний арест. Ситуация возникла весьма забавная: почти все чиновники, обвинявшие Татищева в «непорядках, нападках и взятках», сами находились под следствием по обвинению во взяточничестве и других злоупотреблениях по службе. Самым главным обличителем был среди них полковник Тевкелев. Бирон, получив от него донос на Татищева, пригласил его в Петербург. На его показаниях следственная комиссия, возглавлявшаяся давним недоброжелателем Татищева Михаилом Головкиным, и построила свои обвинения¹.

Отвести их Татищеву помогла установленная им в администрации Оренбургской экспедиции коллегиальность руководства. Ему без труда удалось доказать, что ни одного серьезного решения он не принимал без совета с другими должностными лицами и согласия их на эти решения. Отвергая обвинения во взяточничестве, Василий Никитич отвечал комиссии: «Мои дела свидетельствуют, что я, будучи при заводах, если б хотел наживать, мог сто раз более, нежели все неправо показанные на мне взятки, тамо получить. Как свидетельствуюсь моими всеподданнейшими доношениями и доказательствами, что Демидов за гору Благодать, прежде нежели другой кто об ней знал 3000 рублей принося просил, чтоб я по данной мне инструкции ему отдал; Осокин о той же просил и генерал-берг-директориум (т. е. Шёмберг. — В. Т.) на то соизволили, за которое если бы я хотел безсовестен быть, не пожалел бы он десяти тысяч, и мне было с генерал-берг-директориумом согласовать нетрудно».

Несмотря на то, что обвинения против Татищева рассыпались одно за другим, следственная комиссия не прекращала против него

---

¹ Записку графа М. Г. Головкина об обвинениях полковника Тевкелева в адрес Татищева см. в издании: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 658—659.

дела. Этот факт со всей очевидностью свидетельствовал, что главный двигатель обвинительного процесса против Татищева Эрнест-Иоганн Бирон стремился во что бы то ни стало осудить его. Главная вина Татищева перед Бироном и другими иностранцами, окружившими российский императорский престол, заключалась в том, что он всегда оставался русским и потому мешал им беззастенчиво и беспрепятственно грабить Россию. По словам С. М. Соловьева, Татищев был в то время «главным представителем Новой России, новорожденной русской науки, русский человек, которого усердие и услуги императрице и ее власти были бесспорны; бесспорен был его горячий патриотизм — и его опала могла быть приписана только ненависти немцев к русской знаменитости или выказавшейся в чем-нибудь вражде русского патриота к ненавистному владычеству иноземцев»¹.

Репрессии Бирона обрушились и на братьев Василия Татищева. Иван Никитич, занимавший должность воеводы Исетской провинции Оренбургского края, был в августе 1739 года вызван в Военную коллегию: на него также поступил донос и автор был тот же — полковник Тевкелев. В сентябре 1740 года старшего брата Василия Татищева отстранили от должности и отдали под следствие. Обвинения в его адрес оказались в такой же степени безосновательными, как в отношении Василия Никитича. В 1741 году дело по обвинению Ивана Никитича прекратили, а его самого отпустили со службы в отставку. Никифор Никитич Татищев оказался негодным к военной службе: у него плохо действовали левые рука и нога. Поэтому Василий Никитич подыскал ему место комиссара по финансовым делам в Оренбургской экспедиции. Его младший брат был честным человеком, поэтому это назначение было вполне оправданным. На основании доноса полковника Тевкелева (опять его) Никифор Никитич был уволен со службы 3 апреля 1739 года, несмотря на то, что никаких злоупотреблений в его деятельности обнаружено не было.

Смерть Анны Иоанновны, последовавшая 17 октября 1740 года, ничего не изменила в положении Татищева, поскольку Бирон остался на вершине власти — он стал регентом при двухмесячном императоре Иване Антоновиче. 9 ноября 1740 года Бирон был арестован, а регентшей стала мать ребенка-государя племянница Анны

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 659.

Иоанновны Анна Леопольдовна. Василий Никитич попытался добиться от Сената включения в состав следственной комиссии людей, настроенных по отношению к нему более доброжелательно, но сенаторы не стали рассматривать его прошение. Иностранцы, для которых Татищев был кость в горле (банально звучит, но в данном случае лучше не скажешь), все еще сохраняли свои позиции у российского императорского трона. Старый враг Татищева Генрих Иоганн Остерман уговорил Василия Никитича повиниться, но даже после этого дело против него прекращено не было.

И только 31 июля 1741 года статус Татищева немного прояснился: с подачи Остермана Анна Леопольдовна назначила его в Калмыцкую комиссию мирить кланы калмыцких феодалов, развязавших междоусобную войну. 17 августа Василий Никитич выехал в Поволжье, не имея при себе сколько-нибудь четких инструкций, устанавливающих объем его властных полномочий. Более того, формально он оставался подследственным: комиссия, разбиравшая обвинения в его адрес, так и не была распущена.

25 ноября 1741 года в результате нового дворцового переворота на императорский престол взошла Елизавета Петровна. Татищев, не зная еще об этом событии, 29 ноября обратился к Остерману с докладом о выполнении Калмыцкой экспедицией всех возложенных на нее задач. Вместо награды просил уволить его в отставку с государственной службы. «Воистину, я уже и малейшие трудности сносить, по моей старости и слабости, не в состоянии», — жаловался он. Но в декабре к Татищеву прибыл из Петербурга офицер с известием о том, что воцарилась дочь Петра I, что Михаил Головкин арестован, а Иван Черкасов и Алексей Бестужев, с которыми Василий Никитич был в дружбе, в великой милости у новой государыни¹, и его настроение переменялось на противоположное. В ответном послании Елизавете Петровне он искренне радовался переменам: «Присланный от Вашего Имп[ераторского] Величества капитан Приклонский объявил мне словесное Вашего Имп[ераторского] Величества всемилостивейшее о мне, недостойном рабе Вашем, напоминание. А понеже я чрез так многие годы за мои верные и раде-

---

¹ Иван Черкасов был пожалован императрицей Елизаветой Петровной в действительные статские советники и восстановлен в должности секретаря, которую занимал при Петре I. Алексей Петрович Бестужев (Бестужев-Рюмин) был назначен ведать иностранными делами в должности вице-канцлера, в 1744 г. он станет канцлером.

тельные к их величествам и государству службы от злодеев государственных тяжкое гонение и разорение терпел и в таком отчаянии находился, что ничего, кроме крайней гибели, ожидать не мог; ныне же нечаянно яко во тьме сидячего оставший свет Петра Великого паки на меня воссиял и единою печаль и страх отрешил: того ради наипаче сего Вашего Императорского Величества показанную ко мне, недостойному, милость чувствуя, хотя возблагодарить и заслужить до гроба моего не могу, но только прошу всещедрого бога, да умножит лет живота Вашего Императорского Величества и утвердит престол в наследии Петра Великого в бесконечные веки неподвижно»¹.

Василий Никитич надеялся, что императрица Елизавета Петровна продолжит отцовскую политику, и его злоключения на государственной службе отныне закончились. Однако его надежды на лучшее опять не сбылись. Он не был возвращен в столицу. Более того, 15 декабря 1741 года к его обязанностям по Калмыцкой комиссии была добавлена должность Астраханского губернатора.

Татищев воспринял свое назначение на эту должность как новое наказание. В феврале 1742 года он писал Ивану Черкасову: «По воле Ее Императорского величества, хотя и без объявления вины, в сие узилище я определен, где и чрез несколько дней, рассматривая с прилежанием, вижу, что сия губерния так разорена, как недовольно сведучей поверить не может, понеже люди разогнаны, доходы казенные растеряны или расточены, правосудие и порядки едва когда слыханы, что за так великим отдалением и недивно. Причина же сего есть главная что неколико губернаторов сюда вместо ссылки употреблялись и, не имея смелости, или ничего, или боясь кого по нужде, неправильно делали, а, может, и то, что, не имея достаточного жалованья, принуждены искать прибытка, невзирая на законы; особливо здешняя канцелярия более от того беспорядочна, что секретарям и подьячим дел таких, от которых достаточный доход иметь можно, мало, а жалованья нет, то принуждены коварствами и беспорядками доставать; купцы сильнейшие чем более торгуют или от чего им великое обогащение, как токмо от хищения казенных и разорения бессильных, они же, не желая к защищению их, как мною, не скупю предстателей закупили, то и видя их беспорядки, нужно губернатору смотреть сквозь пальцы, опасаясь, чтоб

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. М., 1963. С. 323.

и за верность, как я в том искусился и так равномерно о себе рассуждаю, что и от меня Ее импер[аторское] Величество и сия губерния пользы видеть не могут, ибо мне, не имея надежды и смелости, более прежде бывших трудиться невозможно»¹.

Сообщая в Петербург о невозможности в сложившихся в Астраханской губернии условиях исполнять должность губернатора, Татищев тем не менее старался превозмочь обстоятельства и делал все, что мог сделать, для улучшения состояния вверенной ему в управление территории. Он попытался упорядочить рыбный промысел, наладить производство шелка, разведение хлопка. Благодаря ему в Астраханской губернии оживилась торговля, стали развиваться ремесла. Одновременно он строил на Волге выше Астрахани крепость Енотаевск, в которой намеревался разместить военный гарнизон для защиты местного населения. Им предпринимались меры к возрождению русского флота на Каспии: в Казани по его заказу началось строительство нескольких кораблей. Все это и многое другое, служившее пользе России, Татищев делал, не получая никаких наград, терпя, как и прежде, оскорбления и различного рода притеснения. Естественно, что в этих условиях в нем все сильнее становилось желание навсегда оставить государственную службу. В декабре 1743 года Василий Никитич писал Ивану Черкасову: «Ныне, видя себя в крайней горести, принужден вас, моего государя, яко надежного благодетеля, просить, чтобы меня отсюда взять и, если я ни к какой услуге не гожусь, в дом отпустить, ибо от клевет ненавидящих никакого полезного дела начать, ни прилежно на поступки подчиненных смотреть и от продерзостей удерживать не можно, терпеть же видимые беспорядки и вреды, мнится мне, против должности и присяги моей. С великою мне горестью слышу рассеянные на меня от моих злодеев сущие клеветы, якобы я персидских денег ни в казну, ни другим купить не допускал, а купил на себя многие тысячи; другое, якобы я с английским капитаном Элтоном, который в Персии, общий торг имею; третье, якобы я у пойманной мною ханши Джинны (вдовы Дундук-Омбо) насильно шубу соболью отнял»².

Государственная деятельность Татищева была подобна длительной военной кампании, в которой противники его постоянно менялись, но их военные действия против него оставались неизменными по своей жестокости. В одном из своих писем к Ивану Черка-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 326—327.

² Цит. по: там же. С. 328—329.

сову Василий Никитич взялся подводить итоги своей службы в Калмыцкой комиссии и в должности Астраханского губернатора да вольно иль неволью впал в воспоминания о прошлых своих злоключениях. «Что моей здесь горести и едва сносной трудности принадлежит, — писал он из Астрахани в конце 1744 года, — то я воистинно рад бы как можно [быстрее] отсюда освободиться, ибо вижу, что, хотя много трудился и верную услугу мою показал, яко вся Калмыцкая комиссия, в персидских, кабардинских, салтонутских и киргизских делах столько сделал, чего более требовать не могли, и в указах вижу, чего не надеялись; внутренние же: канцелярию весьма в лучший порядок привел, дела трудные, чрез много лет тянувшиеся, по крайнему разумению, не лъстяся ни на какие посулы, по правости и законам перевершил, обиженных прилежу оборонить, и воров, и разбойников надлежаше осудил, здешнему городу многие пользы открыл и показал, доходы казенные умножил и тягостные народу или вредительные частью отставил, частью и рассмотрению представил, но за все оное не токмо награждения не вижу, но и надежды не имею, паче же от злодеев горестное оклеветание и поношение терплю, и, мой труд другим приписав, награждение и милость у ее величества исходатайствовали, мне же и жалованья дать не хотят. Ваше превосходительство довольно зная прежние мои приключения, сколько я терпел и, несмотря на злость сильных и чинительные мне препятства, верно государю и государству служить прилежал: 1) Демидов чрез адмирала графа Апраксина так меня пред его величеством (Петром В.) оклеветал, что все думали о моей гибели, но я, ведая мою правду, надеясь, что его величество сам дело внятно рассмотрит и неправую клевету наказать не оставит, смело поступал и, оправдався, большую его величества милость получил. 2) По смерти его величества сколько Меншиков за вымышленные им вредительные деньги на меня озлобился, что в ссылку послать указ в Сенат записал, но, устыдясь сам, и милостью ее величества тогда я избавился, яко невинный. 3) Долгорукие перво с вами в ссылку послать определили; потом, как они вознамерилися честь государя и целость отечества разрушить, которым я, сильно воспротивясь, с прочими удержал, они, мне виселицу и плаху суля, сами посрамились. 4) Бирон, ища себе ненадлежащей власти и силы, вздумал, что я ему в том, яко же и в похищении великого от сибирских заводов дохода, препятствовать буду, разными образы искал меня губить, перво ссоривал с Черкасским, Салтыковым и Головкиным, что всем было известно; но, видя, что недостаточно, прину-

дил на меня плутов бить челом и незаконно судить велел, дважды без всякой вины под караулом держали; но бог по невинности моей меня избавил. Ныне Долгорукий, вспомня ту злобу, смертельно меня обидит, поносит и бранит и может что и ее величеству клеветает; токмо я не ужасаюсь, ведая, если б я его злобу ему явно истолковал, то как он, так и другие со стыдом принуждены были меня в покое оставить»¹.

Что бы ни говорили о российских бедах, сколько бы их ни называли: по-настоящему и всерьез одна у России беда — невозможность для честного человека безнаказанно служить своему Отечеству. Любый человек (какого бы звания и должности, каких бы способностей и характера он ни был), если делает он государственное дело так, как положено, если действует в интересах общества и государства, неизбежно сталкивается с ожесточенным противодействием, постоянно встречается со злобой и клеветой, подвергается гнусным оскорблениям и нападкам.

Василий Никитич Татищев сполна испытал это на себе. «Что же верности и ревности в службе государю и государству принадлежит, — писал он в своей «Духовной», — то весьма верно, ибо верно служащие как милости и награждения получают, так великим опасностям и горести подвержены, для того у всех плутов, хищников и прихотьями преисполненных ненависть, оклеветание и гнев претерпевают»².

3 апреля 1745 года в Сенате был рассмотрен доклад следственной комиссии по делу Татищева, заведенному еще при императрице Анне Иоанновне. Все приведенные в докладе обвинения основывались лишь на доносах его недоброжелателей, и Татищев без труда отвел их еще во время следствия. Тем не менее сенаторы приняли решение взыскать с него те суммы, которые в доносах были объявлены взятками или ненадлежащим образом израсходованными казенными деньгами. Обер-прокурор Сената Иван Брылкин протестовал против этого решения, заявив, что имеет «сумнительства: 1) присужденные комиссиею ко взысканию с прочих деньги взыскать велено с одного Татищева, а те люди на него по нескольким пунктам не доказали; 2) вина ему отпущена по милостивым указам

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 330—331.

² Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С. 141.

1741 и 1744 годов»¹. Но сенаторы проигнорировали это мнение. Василий Никитич также протестовал против сенатского решения, но и его протест был оставлен без рассмотрения.

21 мая канцлер Алексей Бестужев предложил Елизавете Петровне отставить Татищева от должности Астраханского губернатора, поскольку тот сам просит об этом и не в состоянии из-за ссоры с наместником Калмыцкого ханства вести калмыцкие дела. Императрица согласилась с такими доводами, в преемники Татищеву она наметила обер-прокурора Сената Ивана Брылкина. Но указ об этой перемене обещала подписать после того, как пройдут торжества по случаю бракосочетания великого князя Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны.

Свадьба наследника престола состоялась 21 августа 1745 года, и после празднеств, продолжавшихся десять дней, был издан указ об освобождении Василия Татищева от должности Астраханского губернатора. В указе ничего не говорилось о его статусе и местожительстве. Но Иван Черкасов передал письмом совет Василию Никитичу жить либо в Симбирске, либо в симбирской деревне сына и ни в коем случае не появляться в Петербурге. Таким было не выраженное в указе пожелание государыни.

К середине ноября 1745 года Татищев окончательно освободился от бремени губернаторства и переехал в принадлежавшее его сыну Евграфу имение в селе Тетюшское, которое располагалось в Казанской губернии в 35 верстах от Симбирска². Отсюда Василий Никитич написал 27 декабря письмо Ивану Черкасову, в котором раскрыл свои тогдашние настроения: «О себе вам доношу: из Астрахани выехал я 17 ноября, а сюда, в симбирскую сына моего деревню, прибыл 22 декабря, и хотя мне дом приготовлен был в Симбирске, который я, будучи в Самаре, для приезда построил, но, избегая от людей беспокойства, рассудил жить здесь; однако ж и тут хотя

¹ *Татищев В. Н.* Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 334.

² В настоящее время село Тетюшское входит в Ульяновский район Ульяновской области (в Татарстане же находится городок Тетюши). Первоначальное название села — Тетюшская слобода. Оно было основано 50 казаками, поселившимися здесь в 1649 году со своими семьями для «станичной службы». В 1695 г. казаки были отсюда переселены в г. Азов, а их земли перешли к стольникам Нарышкиным. С 1700 г. землями села Тетюшское стала владеть сестра царя Петра Алексеевича великая княжна Наталья Алексеевна. У нее их приобрел Василий Никитич Татищев. От него эти земли перешли к сыну Евграфу, а затем и к внуку Ростиславу Евграфовичу.

благодарю бога, что в своем доме и от дел приказных досад не вижу, но другие не меньше досады наносят, во-первых, что такую трудною ездою болезнь паки отяготила, и для пользования не токмо доктора, но лекаря достать не могу; второе, хотя здесь недалеко драгуны на квартирах стоят, но разбои в самой близости чинятся: за пять дней до моего приезда близ моей деревни разбили завод винный, где вблизи стоял капитан с ротою, но никакого взыскания не учинил, и если сие для великой здесь в житах дороговизны происходит, то к весне, бесспорно, гораздо оных умножится, понеже многие крестьяне чем сеять не имеют. Третье, многие купцы и шляхетство, яко же и прочие, по знаемости приезжая, в разговорах с великою горестью и слезами приносят жалобы на воевод, полицеймейстеров, поставленных для искоренения воров по Волге и по винтер-квартирам офицеров и рядовых, и хотя я от них молчанием и рассуждениями причин отхожу, но по ревности моей к пользе отечества не могу без горести остаться, а паче видя, что за отдалением бедные люди скоро справедливости сыскать не могут, доходы же государственные невидимо умаляются, и притом, как вспоминаю намерение Его Импер[аторского] Величества (Петра В.) о учреждении коллегии государственной экономии, чрез которую надеялся правосудие восстановить, а наглые немощных обиды и коварные ябеды пресечь, доход государственный без отягощения народа умножить и расход по достоинству и потребности уравнивать, чтоб войско жалованьем и прочим удовольствовать, а народ оному разорять способы и случаи пресечь, рассмотрение по пределам, где какие подданным пользы умножить, а вреды отвратить; о училищах, чрез которые б во всех обстоятельствах рассуждениями государству пользы приносились. Сие сначала, мнится, князь Яков Федорович сочинял, потом граф Брюс с Фиком и старым Любрасом изъяснял и дополнял, что я у него с немецкого на русский переводить давал. Начало оно было письмо в поллисте и на многих местах приписывано рукою его величества, токмо мне оно, кроме заглавия, читать не давал, а из перевозженных, может, нечто у меня осталось, все же оное, к великому государственному сожалению, кончиною его величества не токмо яко еще неизвестное угасло, но паче то сожалительно, что весьма государству полезные дела, которые уже при Его Величестве в действо произведены были, по нем разными образы уничтожены и пременены, так что горшие коварства и ябеды в судах, а немощных от сильных обиды и разорения происходить начало было, что всякому верному подданному вспомнать не безгоре-

стно, ибо Ее Импер[аторскому] Величеству неудобно о всем том ведать. Для избежания таких в отдалении горестных обстоятельств намерен я весною, если жив буду, переехать в дмитровскую деревню, которая от Москвы 50 верст, где я надеюсь всех тех тягостей и недовольств избежать; токмо прошу вас, государя моего, дать мне знать, не будет ли то противно: хотя в указе, где мне жить, точно не написано, но ваше было рассуждение, чтоб мне здесь жить»¹.

К весне 1746 года Татищев получил из Петербурга разрешение поселиться в своей деревне Болдино, располагавшейся в Дмитровском уезде (в настоящее время Солнечногорский район Московской области). В мае месяце Василий Никитич был уже там. Начался последний период его жизни.

Правительство не оставило отставленного от государственной службы Татищева без внимания, но приставило к нему двух солдат для надзора. Опальный сановник и ученый фактически находился под домашним арестом. Об этом не знали его знакомые в Петербурге, с кем он вел переписку. В апреле 1746 года секретарь Петербургской Академии наук И. Д. Шумахер, прослышав от кого-то, что Татищев собирается в Петербург, пригласил его зайти к нему — Василий Никитич отвечал: «Оное неправо, понеже я весьма болен и к езде дальней возможности» не имею, разве особенное повеление понудит»².

Главной заботой Татищева в болдинские годы жизни была «История Российская», которую он стремился завершить, несмотря на физическую слабость и болезни, и подготовить к печати. В декабре 1748 года Василий Никитич отослал в Петербург Шумахеру предисловие к своему труду — «Предъизвесчение о истории общественое и собственно о русской» вместе с примечаниями. Он попросил передать все это М. В. Ломоносову и поручить ему написать посвящение к печатному изданию «Истории Российской».

Михайло Васильевич подготовил текст посвящения и передал его вместе с письмом Шумахеру для пересылки Татищеву. В письме, датированном 27 января 1749 года, он писал: «Милостивый государь Василий Никитич! Письмо, чрез которое ваше превосходи-

¹ Цит. по: *Татищев В. Н.* Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 334—336.

² Цит. по: *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. М., 1994. С. 31.

тельство изволили мне объявить об удостоении меня вашего снисходительства, принесло мне немалую радость, ибо, кроме того, что особою вашего превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слыхал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю. Сие желание паче моего чаяния ныне исполнилось, и сообщенное мне от вашего превосходительства предызвещение о «Российской истории» и прочие ваши примечания, от г. советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостью об успехах, которые ваше превосходительство в российской истории имеете».

В конце мая 1750 года Татищев завершил работу над первой частью своей «Истории Российской» и готовился отослать ее в Академию наук. 30 июня он сообщил И. Д. Шумахеру: «Я вам, государь мой, доносил от 10 числа иуния, что моя История первая часть доканчивается и уже, кроме посланных к вам глав, набело переписана, и намерен послать, токмо ожидаю от вас на оное мое письмо ответа, без которого послать не могу. Рассмотрение же оной намерен поручить господину профессору Миллеру, яко человеку, весьма к тому достаточному. Вторую часть зачали набело переписывать, ибо оную також докончал, осталось неколико примечаний рассмотреть. А всяя второй части до 60 тетрадей, и оной часть при первой пошлю, понеже первая во многом на вторую ссылается, и без того, мню, к рассмотрению не весьма ясно. И чтоб сим поспешать, сочинение росписи алфаветической оставил на труд Академии»¹.

Смерть Татищева, последовавшая спустя две недели — 15 июля 1750 года, — не позволила ему осуществить планы, упомянутые в приведенном письме к Шумахеру. По преданию, источником которого является Ростислав Евграфович Татищев, за два дня до смерти Василий Никитич почувствовал ее приближение. Сев на коня, он отправился с внуком на кладбище, в сопровождении священника прошел к могилам своих предков и выбрал место для себя. Нанял мастеровых копать могилу, пригласил священника прийти к себе на следующий день. После этого возвратился в свой дом. Там его ждал курьер от императрицы Елизаветы Петровны с указом о том, что он найден невиновным, и орден Александра Невского в награду за службу. Татищев ордена не принял, отослав его обратно с ку-

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 297—298.

рьером и с благодарственным письмом государыне за проявленную щедрость¹.

В своей «Духовной» — завещании-наставлении сыну — Василий Никитич выразил желание, чтобы похороны его были по-христиански скромными. ««О погребении моем не могу более завещать, как едино, дабы в том месте, где меня смерть постигнет, без великих чинов и убранств по закону христианскому погребсти. И сие не для сожаления денег моих, но паче бояся, дабы великолепие такое, как обычай есть, не причлося к тягости грехов моих тяжких»². В качестве последнего своего пристанища он выбрал погост Христо-Рождественской церкви, построенной на средства его предков и располагавшейся в 2 верстах от его родной деревни и в 11 верстах от села Солнечная гора (в настоящее время г. Солнечногорск в 65 км от Москвы). На могилу ему был поставлен небольшой белого цвета памятник из простого известкового камня. На боковой стороне изголовья в круглом медальоне написали: «Родился Василий Татищев в 1686 году Апреля 19-го дня. Вступление в службу 1704 году. Происхождение чинов». На правой боковой стороне также в медальоне продолжили: «и в полковники артиллерии 724 году, в Берх и в монетной главным судьей 730 году, обер-церемоний мейстер 732». И наконец, на левой стороне и тоже в медальоне: «Генерал Берга-мейстер 732; тайный советник и в том чину был в Оренбурге и в Астрахани губернатором и в том чину 1750 году скончался июля 15 дня»³.

Василий Никитич Татищев был женат на Анне Васильевне Андреевской. В 1715 году у них родилась дочь Евпраксия⁴, а спустя два года — сын Евграф. Евграф Васильевич Татищев (1717—1781) в 1736 году окончил четырехлетний курс обучения в Корпусе Кадетов Шляхетских Детей⁵ с аттестатом, в котором отмечалось, что он «имеет начало в геометрии, говорит и пишет твердо по-немецки, учил историю и географию, рисует отчасти, искусен в верховой езде, фехтовании и танцовании». Государственную службу он начинал так

¹ См.: Романов С. И. Могила историка Татищева // Русская старина. 1879. Т. 26. № 11. С. 541.

² Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 136.

³ Романов С. И. Могила историка Татищева. С. 542.

⁴ Евпраксия Васильевна Татищева (1715—1769) вышла замуж за Михаила Степановича Римского-Корсакова. Вторым браком она сочеталась со Степаном Андреевичем Шепелевым.

⁵ С 1743 г. это учебное заведение носило наименование «Сухопутный кадетский корпус», с 1767 г. — «Императорский Сухопутный Шляхетский кадетский корпус», с 1800 г. — «Первый кадетский корпус».

же, как когда-то его родитель — в драгунском полку. В 1741 году Евграф Татищев был произведен в чин секунд-майора и прикомандирован к Калмыцкой экспедиции, которую возглавлял его отец. 18 декабря 1758 года он был возведен в чин полковника, а 25 декабря 1764 года перешел в гражданскую службу с переименованием в статские советники. Последние годы своей жизни Евграф Васильевич прожил в Москве в собственном доме на Петровском бульваре. Здесь его посетил в конце 70-х годов великий князь Павел Петрович.

Сын Василия Никитича был трижды женат: первым браком на Прасковье Михайловне Зиновьевой, вторым — на Наталье Ивановне Черкасовой, третьим — на Аграфене Федотовне Каменской. У Евграфа Васильевича было от них десять детей: Ростислав Евграфович Татищев (1742—1820), Анна Евграфовна (1752—1835), Александра Евграфовна (1759—1795), Алексей Евграфович Татищев (1760—1832), Никита Евграфович (1763—1786), Екатерина Евграфовна (1763—1793), Василий Евграфович (1766—1827), Прасковья Евграфовна (1767—1841), Михаил Евграфович (1771—1791), Елизавета Евграфовна (1772—1837).

* * *

Политические и правовые взгляды В. Н. Татищева нашли свое отражение, главным образом, в таких произведениях, как: 1) «История Российская» (особенно глава 45 части первой — «О древнем правительстве русском и других в пример»¹); 2) трактат под названием «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», написанный в 1734 году и впервые опубликованный лишь в 1887 году²; 3) записка «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», составленная после 25 февраля 1730 года³; 4) написанная не позднее

¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. С. 359—370.

² *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указаниями Н. А. Попова. М., 1887. См. также: *Татищев В. Н.* Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 51—132. (Данный трактат по-разному называется в различных публикациях, здесь приводится его оригинальное название.)

³ Данная записка была впервые опубликована М. Н. Погодиным в 1859 г. См.: Утро. Литературный сборник. СПб., 1859. С. 369—379. См. также: *Татищев В. Н.* Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 146—152.

15 марта 1744 года записка «Напомнение на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств» (особенно ее раздел «О порядках и законах к приобретению пользы и отвращению зла»). Указанная записка представляет собой ответ Татищева на рожденный в стенах Сената в 1743 году проект нового административно-территориального устройства России¹; 5) записка-наставление сыну Евграфу под названием «Духовная», составленная в 1734 году²; 6) Комментарии к Судебнику 1550 года и к царским указам XVI—XVII веков³.

Значительная часть литературного и научного наследия В. Н. Татищева оказалась утраченной по вине его сына Евграфа Васильевича, который проявил редкое равнодушие к творчеству отца. Есть даже основания полагать, что он сознательно по какой-то причине уничтожил часть отцовских рукописей⁴.

Представления В. Н. Татищева о государстве и праве, его правовые знания формировались на основе опыта его государственной деятельности, научных исследований в области истории и под большим влиянием произведений античных философов и ряда современных ему западноевропейских мыслителей. В частности, Татищев высоко оценивал немецкого философа Христиана Вольфа, который, по его мнению, «лутче протчих, т. е. кратко и внятно», описал

¹ Данное сочинение впервые опубликовано М. Н. Погодиным в 1859 г. См.: Утро. Литературный сборник. СПб., 1859. С. 379—388. См. также: *Татищев В. Н. Избранные труды по географии России / Под редакцией и со вступительной статьей А. И. Андреева. М., 1950. С. 198—206.*

² Впервые эта записка-наставление была опубликована в 1773 г. См.: Духовная тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. СПб., 1773. Вторым изданием она вышла в свет в 1885 г. Кроме того, было два издания ее на французском языке (в 1858 и в 1860 гг. в Париже) и одно на английском (в 1860 г. в Париже). См. также: *Татищев В. Н. Духовная моему сыну. СПб., 1896; Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 133—145.*

³ Комментарии В. Н. Татищева к Судебнику 1550 г. и к царским указам XVI—XVII вв. были впервые изданы в 1768 г. См.: Законодательные памятники XVI и XVII столетий, собранные Василием Никитичем Татищевым и изданные академиком Г. Ф. Миллером в 1768 году, вместе с примечаниями, к памятникам этим, В. Н. Татищева и приложением письма Царя Иоанна IV-го Васильевича к Архиепископу Казанскому Гурию. М., 1905.

⁴ См. об этом: *Кузьмин А. Г. Татищев. С. 327—329. См. также: Астраханский В. С. К вопросу о судьбе библиотеки и архива В. Н. Татищева // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 89—94.*

то, что касается «до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных». Выделял он также трактаты Самуила Пуфендорфа и Гуго Гроция. К произведениям же известных в ту пору в Европе мыслителей Никколо Макиавелли («Государь»), Томаса Гоббса («Левиафан»), Джона Локка («Два трактата о правлении») и другим подобным им Татищев относился весьма критически: считал, что они «более вредительные, нежели полезные», что в них нерассудные и странные, «с мудростию и пользою государства несогласные рассуждения произносятся, а некоторые, с великим их собственным вредом, на непристойное дерзнули».

Ряд аргументов для своих выводов о характере человеческих обществ, государственной власти и законах Татищев черпал в Священном писании. При этом он, судя по воспоминаниям современников, не относился к числу людей твердых религиозных убеждений. Некоторые из тех, кто знал Татищева, считали его даже человеком не вполне православной веры. Подобные оценки религиозных воззрений Татищева основывались в значительной мере на слухах, распространявшихся его недоброжелателями¹, но в некотором смысле они отражали в искаженной форме критическое отношение Татищева к священникам и Священному писанию², а также прису-

¹ В своей «Духовной» Татищев признавался: «Я хотя о бже и правости бже-ственного закона никогда сумнения не имел, ниже о том единою с кем в разговор или прение вступал, но потому что я некогда о избытках, законами человеческими в тягость положенных, говаривал, от несмысленных и безразсудных, не ведущих бжего закона, токмо человеческия уставы противу заповедания Христова чтущих, не токмо за еретика, но и за безбожника почитан и немало невинного поношения и бед претерпел, токмо доднесь благодатию бжею и великодушием, презрев такие клеветы и злонамерения, их терпеливостию преодолел...» (*Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 137—138*).

² Феофан Прокопович описал в предисловии к своему произведению «О книге Соломоновой, нарицаемой Песнь Песней» случай, когда Татищев проявил, по его мнению, явное неуважение к Священному писанию. Услышав во время одного из разговоров фразу из Соломоновой «Песни Песней», Василий Никитич, повернувшись в сторону, по словам Феофана, «ругательно усмехнулся». А когда его попросили сказать, что ему на мысль пришло, то услышали следующий ответ: «Удивлялся я, чем побужденные не токмо простые невери, но и сильно ученые мужи, возмечтали, что песнь песней есть книга священного писания и слова Божия? А по всему видно, что Соломон разжигался похотью к невестке своей, царевне египетской, сие писал, как то у прочих, любовью жжимых, обычай есть: понеже любовь есть страсть многоречевая и молчания нетерпящая, чего ради во всяком народе ни о чем ином так многие песни не слышаться, как о плотских любезностях». Данный ответ Татищева настолько возмутил Феофана Прокоповича, что он решил написать книгу для опровержения столь вольнодумного толкования «Песни Песней».

щую ему веротерпимость. Татищев считал, что религиозные распри «не от кого более, как от попов, для их корысти, а к этому от суевверных ханжей, кои от несмысленных набожников происходят, между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто не касается, и ему все равно Лютер ли, Кальвин ли или язычник с ним в одном городе живет или с ним торгует, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав».

Говоря о полезности веротерпимости, Татищев исключал, правда, из перечня религий, к которым следует относиться терпимо, иудаизм. Но в этом выражалось его отрицательное отношение более к иудеям, чем к их вере. В России, отмечал он, «едины жида от Владимира до днесь не терпят, но и те не для веры, но паче для их злой природы, обманов и коварств, чрез которых многие разорения тайно христианам прилучаются».

В своих политических и правовых взглядах Татищев исходил из того, что никакое человеческое сообщество, малое или великое, «без начальства и власти быть не может»¹. Он выделял четыре типа таких сообществ («сообществ» — по его терминологии): *первое* — «супружество», «когда муж и жена, свободные для общей их пользы, согласятся в сочетание»; *второе* — «родовое», то есть «сообщество» родителей и детей; *третье* — «домовное» или «хозяйское», в котором соединяются на основании договора господин и слуги; *четвертое* из выделявшихся Татищевым «сообществ» представляет собой государство, которое возникает из объединения «домовных» сообществ и выступает, в свою очередь, в различных формах.

Первую из этих форм Татищев называл «гражданством» или «правлением гражданским», признавая данное название синонимом греческому слову «политиа». По его мнению, «гражданство» могло существовать лишь в малых селениях и предполагало совместное решение вопросов управления и суда «общим согласием» всех хозяев домов. После того как селения стали многолюдными, люди вынуждены были данное правление переменить, «а выбрав неколико способнейших, к правлению определить, им полную власть повелевать и учреждать поручили, протчия же все в подвластии и послушании остались»². Эту форму правления Татищев вслед за древнегреческими философами определил как аристократию. В дальней-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российская. Часть первая. С. 361.

² Там же. С. 361—362.

шем описании эволюции государственных форм он также следовал представлениям античных мыслителей. Несогласие между правившими и проистекающие отсюда «медление и вред» в решении общих дел породили, по его словам, нужду в избрании «единого способнейшего и достойнейшего к правлению, которому всю власть поручили, дабы он о пользе общей прилежал, а подданные всенародно обесчались повелению его исполнять»¹. Так появилась монархия.

Как и древнегреческие философы, Татищев называл упомянутые формы правления правильными («порядочными») и допускал возможность их вырождения в неправильные: политии — в демократию или охлократию, аристократии — в олигархию, монархии — в тиранию. Он соглашался с ними также в том, что «лучшую пользу представляют» «смешанные правительства», сочетающие элементы различных форм правления. В трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев называет такие власти «чрезвычайными», которые, по его словам, «суть весьма разных состояний, яко негде имеется государь, но без совета знатных ничего делать не может»².

Вопрос о том, какая форма правления является наиболее соответствующей общей пользе того или иного народа, должен был решаться, по мнению Татищева, с учетом географического места его обитания, размера территории, на которой он проживает, его просвещенности. Так, по его словам, «в единственных градах или весьма тесных областях», где всем хозяевам домов можно быстро собираться, «демократия с пользою употребиться может, а в великой области уже весьма неудобна». В областях, хотя и состоящих из нескольких городов, но от нападений неприятельских хорошо защищенных, расположенных, например, на островах, может, аристократическое правление быть полезно, особенно если народ просвещен и законы соблюдает без принуждения, «тамо так острого смотрения и жестокого страха не требуется». Что же касается великих и обширных по территории государств, «для многих соседей завидующих», то они, отмечал Татищев, не могут управляться ни демократически, ни аристократически, «особливо где народ не до-

¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российской. Часть первая. С. 362.

² Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 119.

вольно учением просвящен и за страх, а не из благонравия или познания пользы и вреда закон хранит, в таковых не иначе, как самоили единовластие потребно».

Для России своего времени Татищев считал наилучшей формой правления монархию. К этому выводу его приводили не только вышеизложенные чисто умозрительные суждения, но и анализ русского исторического опыта, из которого, по его словам, «всяк может видеть, сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалется и гниет».

Татищев признавал идею божественного происхождения верховной государственной власти. В «Духовной» — в отеческом завещании-наставлении к своему сыну — он писал: «В службе государю и государству должен ты быть верен и прилежен во всяком положении на тебе деле, так о пользе общей, как о своей собственной, прилежать и государю, *яко от бога поставленной над тобою власти, честь и повиновение отдавать*»¹ (курсив мой. — В. Т.).

Однако в трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» и в первой части «Истории Российской» Татищев утверждал, что государство возникает вследствие заключения договора, посредством которого «для защищения своего от нападения сильного» многие люди «общего благополучия единомышленно искать и от насилия защищать обяжутся». По его мнению, такой договор заключается в силу действия естественного закона. В соответствии с данным законом человек рождается вольным существом. «Воля по естеству человеку толико нужна и полезна, — подчеркивал Татищев, — что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ея достойно, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить не благонадежен»². Однако так как, по природе своего естества, «человек всякой на все не есть способен, но требует от других помощи и милости, так нужно ему взаимно за требуемое от другаго благодеяние и милость показать. Но дабы обоим было известно и благонадежно, того ради нужно есть им между собою договор учинить»³. По этому договору воля человека подчиняется общей воле, общее благополучие собствен-

¹ Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 140.

² Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 121.

³ Там же.

ному благополучию каждого отдельного человека предпочитается. Иначе говоря, «воле человека положена узда неволи для его же пользы».

Главной целью всякой науки В. Н. Татищев считал познание человека. В составленном в форме диалога трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» он выразил эту мысль следующим образом:

«Вопрос: ...Благоразумный человек и в убожестве довольнее, нежели глупый в богатстве и чести, но я вас прошу прежде мне сказать, что есть наука.

Ответ: Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать»¹.

Юриспруденцию Татищев ставил на второе место в иерархии наук. Первой и высшей наукой он называл богословие, под которым понимал «знание о боге, его премудрости, всемошности, еже единственно к будущему блаженству нас ведет и пр.». При этом Татищев отмечал, что «не может никакой богослов мудрым назваться, ежели он не знает древних дел божеских, объявленных нам в письме святом, яко же когда, с кем, о чем в догматах или исповедании прение было, чим что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви некоторые уставы или порядки пременены, отставлены и новые введены»².

Юриспруденцию Татищев определял в качестве науки, «которая учит благонравию и должности каждого к Богу, к себе самому и другим, следственно, к приобретению спокойности души и тела». «Но не может никак юрист мудрым назван быть, если не знает предних толкованей и преней о законах естественном и гражданском. И как может судия право дела судить, если древних и новых законов и причин пременениям неизвестен, для того ему нужно история о законах знать»³, — писал он.

Основание положительных законов, применяемых судьями, Татищев видел, в соответствии с господствовавшим в то время правосознанием, в естественном законе. «По закону естественному, — отмечал он, — хотя точно не судят, но законы и разсуждения на нем нам более основываются, и для того все законы гражданские, которые из естественнаго свое основание имеют и к оному ближе, те

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 51.

² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российской. Часть первая. М., 1994. С. 80.

³ Там же.

как людем подзаконным внятнее и памятнее, так судиям к разсуждению и решению дел способнее, ябедникам же и душевредным пронырцам меньше способов к коварствам оставляют»¹.

Признавая, что самодержцы «никаким законам не подлежат и никаких правил хранить (в смысле «соблюдать». — *В. Т.*), кроме божественных не должны», и что «законоиздание» состоит «единственно во власти монаршеской, Татищев полагал все же, что при издании законов необходимо следовать определенным принципам. По его мысли, государь должен руководствоваться при «законоиздании» стремлением «к пользе общей и справедливости». Государи могут, допускал он, в случае, когда «для тягости труда не всегда к тому время имеют», а также «от любви отеческия к подданным, храня пользу оных» доверить сочинение законов людям «довольно в законах искусным и отечеству безпристрастно верным». Однако при этом сочинителям законов необходимо, считал Татищев, соблюдать следующие правила: 1) чтобы закон был понятен, писать его следует «без витийства и красноречия» и на таком языке, на котором большая часть народа говорит; 2) чтобы закон положительный соблюдался, должно при его составлении «на закон естественный взирать, дабы то что оным зло разумеется, то б и в гражданских за добро не почиталось». «Воздаяния за добро и злодеяния чтоб умеренные и делам достойные предписаны были, ибо неумеренные казни разрушают тем закон, что от сожаления принуждены будут наказания уменьшать и закон сами судии нарушат, а у подданных бесстрашие родится»²; 3) чтобы законы один другому ни в чем не противоречили, дабы «как судящие, так и судящиеся не имели случая законы по своим прихотям толковать и тем коварством законы скрытно нарушать»³; 4) чтобы всякий закон немедленно всем объявлялся и становился известным, «ибо кто, не зная закона, преступит, тот по закону оному осужден быть не может»⁴; 5) «хранить обычаи древние». При этом Татищев признавал, что «пременением древних обычаев иногда немалой вред наносится». Отсюда им делался вывод, что там, где «польза общая требует, тамо не нужно на древность и обычаи смотреть, токмо притом надобно, чтоб причины понуждающие внят-

¹ *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 124.

² Там же. С. 125.

³ Там же.

⁴ Там же.

но изъяснены были»¹. В случаях же, когда перемена вредных обычаев может вызвать возмущение народа, Татищев советовал проводить такую перемену постепенно².

В. Н. Татищев придавал большое значение обучению праву при воспитании юношей. Он писал своему сыну в завещании («Духовной»): «Весьма же нужно тебе поучаться и о светских науках, в которых нужнейшее — право и складно писать... Необходимо нужно есть знать законы гражданские и воинские своего отечества, и для того, конечно, во младости надобно тебе Уложение и Артикулы воинские, сухопутныя, морския неоднова, а некогда и печатные указы прочитать, дабы как скоро к какому делу определишься, мог силу надлежащих к тому законов разуметь; наипаче же об оном по причине собственных своих и посторонних дел с искусными людьми разговаривать и поряткам, яко же и толкованию законов, не меньше же и коварствы ябедническия познавать, а не делать научиться, что тебе к немалому щастию послужит»³.

Особенно необходимо, полагал Татищев, учиться праву шляхетству. «Первое, понеже шлихтич всякой по природе судия над своими холопи, рабами и крестьяны, а потом может по заслуге чин судии нести яко в войске, тако и в гражданстве. Другое, что едва обходимое ль, чтоб он сам суда или приказного дела избежать мог и если не собственною своею, то своих причину привлечется, и для того ему необходимо нужно законы знать». Признавая, что всех законов «наизусть вытвердить и в памяти сохранить неудобно», Татищев заявлял, что «однако ж главные должности из законов нужно со младенчества учить, яко: 1) должность к государю; 2) должность к своему государству; 3) к родителям и единоутробным; 4) к своим домовным, яко жене, детям и домочадцам; 5) к протчим лю-

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 125—126.

² Краткую формулировку приведенных правил Татищев дал в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском». По его словам, «что же в сочинении законов хранить должно, оное в краткости в том состоит, чтоб было не противное божеским и ко исполнению всем возможное, чтоб было тем языком, которым те подзаконные говорят, к тому точно и ясно написано, особливо в законах, и никакие иноязычные слова и витийственные речения негодны, чтоб наказания по состоянию преступления были довольно умеренные, понеже неумеренные наказания сами разрушают закон...» (Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 283).

³ Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные сочинения. С. 138.

дям...»¹. Когда же шляхтич «в возраст придет», то ему необходимо, утверждал Татищев, запомнить и в памяти своей иметь «должности и порядки, принадлежащие до судии и судящегося», и особенно «форму суда». Кроме того, ему следует и «закона естественного правила учить»².

Знание сути законов Татищев считал необходимым качеством для любого судьи. «Хотя уставов или законов у нас много, — отмечал он, — да если бы и еще их столько ж на разные приключения сделать, однако ж никак невозможно, чтоб какое обстоятельство не находилось, которое точно во всех тех законах написано не сыщется. И для того не знающие основания законов часто во мнениях погрешают или дело волочат, а ученому легко дознаться и по законам решить то же самое удобно»³. По словам Татищева, «если судия есть в правилах, принадлежащих тому, неученой, то, кроме пристрастия, незнанием тяжко погрешить и закон божий, яко же и волю законодавца, нарушить может». «Всякого судии, — писал он, — есть должность в недостатке какого-либо закона вновь сочинять таким порядком, что когда он от коего-либо высшего суда, яко градской от губернатора, губернии от Юстиц-коллегии, а она от Сената требует на сумнительство решения, тогда оному повинно мнение представить. Но если он в правилах законов неучен, то паки правильно и порядочно одного мнения сочинить не может. И тако, неученой судия будет подобен безразумной машине, которая ничего собою в себе исправить не может и за неудобностию к надзиранию устроившего часто вместо пользы вред приносит»⁴.

В основу главного своего произведения — «Истории Российской» — В. Н. Татищев положил сведения, извлеченные из летописей. Он и представлял его как «собрание из древних русских летописцев». Большая часть рукописных летописей, изложенных Татищевым в «Истории Российской», не сохранилась. По этой причине позднейшие историки (в первую очередь Н. М. Карамзин) сомневались в достоверности сообщенных им сведений. В настоящее время добросовестность Татищева не подвергается сомнениям. Он не придумывал ни событий, ни действующих в русской истории лю-

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 128.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 129.

дей, ни документальных источников, откуда черпал о них известия. Излагая раннюю русскую историю, Татищев исправлял, правда, старинные имена и названия, переводя их на более современный язык.

Публикация «Истории Российской» В. Н. Татищева началась только при Екатерине II. В 1768 году академик и начальник Главного московского архива Министерства иностранных дел Г. Ф. Миллер подготовил к изданию первую часть первой книги этого труда русского историка. Она была напечатана в типографии Императорского Московского университета. В следующем году вышла в свет вторая ее часть, также подготовленная к печати Миллером. В 1773 году появилась вторая книга «Истории Российской». В 1774 году — третья¹. Четвертая книга «Истории Российской» Татищева была напечатана по особому повелению императрицы Екатерины II и на средства Кабинета Ее Императорского Величества в 1784 году в Санкт-Петербурге в типографии Вейтбрехта². Рукопись пятой книги «Истории Российской» была куплена историком М. П. Погодиным в 1841 году на аукционе по продаже библиотеки вологодского купца И. П. Лаптева. В 1848 году она была издана Обществом истории и древностей Российских при Московском университете под редакцией профессора О. М. Боянского³. Обнаруженные и опубликованные книги главного исторического труда Татищева доводят изложение событий русской истории до 1577 года. Татищев же имел намерение довести «Историю Российскую» до конца XVII столетия и в конце 40-х годов был готов писать даже историю Петра I, при условии если бы императрица Елизавета Петровна дала ему такое поручение и предоставила доступ к архивным материалам.

¹ История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Книга первая. Часть первая. М., 1768. — [12], XXVIII, 1—224 с. Книга первая. Часть вторая. М., 1769. — [4], 225—600 с. Книга вторая. М., 1773. — [8], 536 с. Книга третья. 1774. — [6], 530 с.

² История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Книга четвертая. СПб., 1784. — [2], 595 с.

³ История Российская, соч. Василья Никитича Татищева. Книга Пятая, или, по Сочинителю Древней Летописи Руской Часть Четвертая, открытая и сообщенная М. П. Погодиным, с предисловием О. Боянского. М., 1848.

Среди материалов, с которыми Татищев сталкивался в процессе работы над «Историей Российской», были и сборники правовых норм. Первым из них историком был найден Судебник 1550 года. Василий Никитич приобрел его у Бартенева, предком которого являлся казначей в доме Александра Никитича Романова по имени Бахтеяр. Этот Судебник, рассказывал он впоследствии о своей находке, представлял собой «вещь дивную», его текст был вырисован «хотя и древним, но чистым начертанием, прописан по всем статьям золотом и переплетен в золотой бархат с серебряными застежками»¹. Татищев датировал данную рукопись временем не позднее 1610 года. В 1734 году он подарил ее Анне Иоанновне. Копия же текста Судебника, объемом в 48 листов, была им отдана на хранение в библиотеку Петербургской Академии наук.

В 1737 году Татищев обнаружил в составе Новгородской первой летописи младшего извода «Русскую Правду». Видимо, тогда и появилась у него мысль создать собрание русских законов.

Первый вариант такого собрания он подготовил в 1738 году. В него были включены, по его собственным словам: «1) Русская Правда или Право, которой от кого и когда издан неизвестно, однако ж есть между всеми древнейший, токмо оной новгородцем дан в 1019-м году. 2) То же именование имеет, сочинен повелением великаго князя Ярослава, в присудствии детей его Изяслава и Святослава, с приобщением неколиких знатных людей 1036 году. 3) Судебник царя Иоанна Васильевича, каков он в заседании со братею своею, родным Юрьем Васильевичам да двоюродным Владимиром Андреевичем, с несколькими бояры в 1550-м году издан. 4) Указы дополнительные как его собственные, так по нем сына его царя Федора Иоанновича и Бориса Федоровича по 1602 год».

В начале 1739 года Татищев привез свое собрание русских законов в Санкт-Петербург с намерением его издать. И. А. Корф предложил тексты этих законов в «Собрание русских древностей сообщать». 14 января 1740 года Василий Никитич отослал рукопись подготовленного им к печати собрания законов И. Д. Шумахеру. Но она так и не была издана.

В ноябре 1749 года Татищев получил из Петербургской Академии наук просьбу изготовить копию Русской Правды для Штру-

¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Избранные произведения. М., 1996. С. 39, 278.

бе де Пирмона, пытавшегося составить краткое наставление по русскому праву — так называемый «Compendium juris ruthenicі». Василий Никитич взялся за копирование текстов древнерусских законов. «Не имея способного писца, принужден был сам оные переписать», — сообщал он Шумахеру. При этом историк благодарил правителя академической канцелярии за эту просьбу, побудившую его снова обратиться к собранию русских законов и тем самым их тексты «внятнее понять, рассмотреть и обстоятельнее изъяснить»¹.

К началу 1750 года Татищев составил новую редакцию собрания законов, переработав их тексты и примечания к ним и добавив отысканные со времени первой редакции указы. Отослав в январе эту рукопись в Академию наук, он продолжил работу по собиранию указов. 14 февраля 1750 года Татищев сообщил Шумахеру, что старых законов еще много в домах и архивах имеется, и потому он попросил своих приятелей, чтобы они, списав тексты, присылали их ему. 6 марта Василий Никитич известил Шумахера, что он «Ныне есче многие к тому указы собрал».

В «Предъизвещении» к новой редакции своего труда, озаглавленного как «Собрание законов древних русских, для пользы всехлюбомудрых собранные и неколико изтолкованные тайным советником Василием Татисчевым», Василий Никитич развил высказанную им еще в предисловии к первой редакции мысль о том, что русские имели письменные законы задолго до времени Ярослава Мудрого. Он отметил, в частности, что «древний закон, о котором хотя преподобный Нестор, историк русский, сказует, что Ярослав I дал закон новгородцом, поп новгородский Иоанн, жившей во время Ярослава II-го и сына его Александра I-го и Невского проимянованного, точно оной в своей истории положил, и Авраамий Ростовский хотя нечто с разностию в его летопись внес, обаче многие обстоятельства достаточно уверяют, что сей закон за неколико сот лет до Ярослава сочинен. 1) Олег I в договоре з греческими императоры за убивство человека, за бой и пр. говорит по закону русскому платить, и число оное в сем законе точно находится; на другом месте говорит, старобытная Правда русская, а сей не имянован закон, но Правда русская. 2) Иоаким о Гостомысле сказует, правосудием всюду прославляется; потом о Рурике говорит, что, прилежа о суде

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 291.

и расправе и чтоб оное всюду равно исправлялось, определил по пределам князей, и хотя о законе письменном не упоминает, однако ж без письменного закона быть у всех равное не могло. Следственно сей закон тогда уже был и для одного Олег старобытным имяновал. 3) В нем цену или счисление достоинства скотом имянует, что уже и во время Ольгово во употреблении не было, но имяновали скурою или кожами. 4) Наречие и обстоятельства, в нем положенные, в историях древнейших Иоакима и Нестора не употребляемы; следственно, оный задолго до Рюрика сочинен»¹.

Занимая с октября 1734 года и до мая 1737 года должность главного начальника горных заводов Сибири, В. Н. Татищев имел возможность ознакомиться с практикой применения в местных судах действующего законодательства. В конце 1736 года он узнал, что в Санкт-Петербурге готовится к печати новое издание Соборного уложения. 30 декабря им было написано по поводу данного события обширное письмо секретарю Академии наук И. Д. Шумихеру. «Это в высшей степени нужное и полезное дело, так как повсюду в Уложении чрезвычайная нужда, так что его нельзя купить даже за тройную цену; поэтому судьи часто по неведению ошибаются, а просители вовлекаются в более тяжелые тяжбы»², — сообщал Василий Никитич. При этом он высказывал мнение, что если будет напечатано 2000 экземпляров Уложения, то они «в короткий срок будут разобраны, особенно если их разослать в разные провинции. Однако же если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений».

¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. Избранные произведения. М., 1996. С. 39, 277.

² *Василий Никитич Татищев.* Записки. Письма: 1717—1750 гг. М., 1990. С. 214.

³ В своем сочинении «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» В. Н. Татищев писал об этом недостатке Соборного уложения следующее: «Оное, как видно, при сочинении надмерно спешили или к сложению искусного секретаря недоставало, что некоторые случаи равного состояния в разных главах или статьях разногласны; другие надмерно кратки и темны, так что с трудом сущую силу их разуметь можно; иные непотребным многоречием наполнены, чрез что судиям есть немалое сумнительство, а судящиеся коварно оными наносят затруднение и дела продолжают; многих же нужных обстоятельств точно не положено, и затем оно само собою недостаточно» (*Татищев В. Н.* Избранные сочинения. С. 127).

В числе таких «несовершенств и неисправностей» Соборного уложения В. Н. Татищев называл: 1) необъясненные различия в написанном об одинаковых вещах, вследствие чего судьи могли «легко применить одно вместо другого»; 2) наличие ссылок на другие статьи, в которых по вопросам, которые должны в них разъясняться, на самом деле ничего не написано; 3) сохранение в тексте Уложения статей и даже целых глав, которые уже не действуют; 4) отсутствие в Уложении множества важнейших правовых норм, введенных в действие отдельными указами, и т. д.³

Указав на недостатки Соборного уложения, Татищев изложил в письме к И. Д. Шумахеру ряд предложений по их исправлению. Так, он предложил имеющиеся в его тексте похожие нормы «отметить на полях, чтобы всякий мог легко найти их». По его словам, «если что-нибудь отменено или изменено другими указами, то следует отослать к этим указам; если последние не напечатаны — напечатать во второй части». Кроме того, Татищев посоветовал вставить в текст Соборного уложения отсутствующие в нем нормы из действующих законодательных актов. Сознывая, что дополнение текста Соборного уложения новыми правовыми нормами весьма сложная операция, предполагающая согласование их с уже имеющимися нормами, он предложил напечатать новые статьи в приложении или же собрать их воедино и издать отдельным томом, дополняющим основной текст Уложения¹. Данные предложения не были приняты. Напечатанное в 1737 году второе издание Соборного уложения повторило все указанные Татищевым недостатки первоначального его издания.

Татищев предлагал внести в текст Соборного уложения некоторые дополнения конституционного характера. Он советовал, например, предусмотреть в предисловии, помимо правомочия монархов издавать законы, а также по своему усмотрению объявлять их, устанавливая новые, исправлять или отменять старые, право подданных подавать законопроекты. При этом, считал Татищев, им необходимо «знать сущность естественного права, так как основанные на нем постановления не так легко допускают изменения или возможность иного их толкования».

Приведенные высказывания В. Н. Татищева свидетельствуют о том, что он обладал обширными познаниями в области юрис-

¹ *Василий Никитич Татищев. Записки. Письма: 1717—1750 гг.* С. 215—216.

пруденции и хорошо понимал главные закономерности правотворчества. Его же комментарии и просто замечания к различным статьям Судебника 1550 года, мысли, которые он высказывал по поводу Соборного уложения 1649 года, и особенно его предложения о внесении поправок в текст этого свода выдают в нем высококвалифицированного правоведа. Имя Василия Никитича Татищева должно занять достойное место в истории русской юриспруденции.